

21 декабря 1898 года, понедельник¹

Благодаря наступившему морозу понизились на 25 процентов цены на битую птицу и другую провизию, продаваемую к празднику на столичных рынках.

*«Петербургский листок»,
21 декабря 1898 года*

• 1 •

Вьюга рыскала по улицам, проспектам, площадям. Искала кого-то в окнах, дворах, подворотнях. Заметала Петербург морозной пеленой. Висла на усах городских снежной шубой. Донимала ознобом запоздалого прохожего. Подгоняла пролетку, бегущую по хрустящему снегу. Искала и уносила прочь, прочь, прочь из этого мира.

Город спал, убаюканный декабрьской вьюгой. Спали чиновники, барышни, офицеры. Спали кухарки, гимназисты, учителя. Спали приказчики, аристократы и дворники. Спали актрисы, фабриканты, студенты. Спали швейцары, половые и купцы. Спали воры, нищие и арестанты. Столица спала. Вида во снах скорые праздники, многие радости и щедрые дары.

Окна в доходном доме были темны. Только в окне третьего этажа мерцал огонек. Комнату освещала свеча. Подсвечник поставили рядом с зеркалом в бронзовой раме, в каких барышни

¹ Все даты даются по старому стилю. По новому стилю: 4 января.

присматривают за красотой. Зеркало держалось на невысокой этажерке, плотно заставленной книгами. Легкую мебель перенесли близко к обеденному столу, на котором находилось иное зеркало. Зеркала смотрелись друг в дружку. Огонек свечи робко заглядывал в бесконечный лабиринт отражений, дивился, вздрагивал.

Меж зеркалами сидел мужчина, развернув стул так, что локти опирались на резной край спинки. Веки сомкнуты. Лицо напряжено. Кулаки сжаты.

— Пора... Пора, — сказал он, зажмурился накрепко и глубоко задышал.

Огонек свечи дрогнул, отражения повторили за ним.

Ослабив кулак правой руки, господин выставил указательный палец и медленно направил к зеркалу. Подушечка коснулась зеркальной поверхности. Палец замер и продвинулся еще. Зеркалу деваться было некуда. Приходилось терпеть грубое тыканье.

Палец напирал сильнее. Зеркало еле держалось на гнутых ножках. Палец вел себя возмутительно. Давил и наседал. Возразить ужасным манерам зеркалу было нечем. Оно сдвинулось к краю этажерки. Еще немного, и упадет. Но тут палец замер.

Не открывая глаз, господин разжал левый кулак. В ладони оказалась узкая дощечка с приделанным шнурком: концы закреплены, середина свободно изгибается буквой U. Господин дернул шнурок, потом еще раз, затем сильнее. Что-то треснуло. Открыв глаза, он обнаружил, что шнурок болтается оторванным.

Швырнув дощечку, господин вскочил.

— Бесполезно! — прохрипел он. — Что же такое... Собрано, как должно: концентрация, мыленное усилие, вектор воли. Точно по записям... Почему же...

Глянув в коридор отражений, он отодвинул зеркало от опасного края, сел. Закрыв глаза, унял дыхание. Подождал, сидя в тишине. И протянул к зеркалу ладонь.

Огонек вздрогнул.

Ладонь коснулась стекла. Зеркало послушно сдвинулось. Ладонь насадала. Зеркало отступило к краю этажерки. Ладонь преследовала. Зеркало молило о пощаде, ладонь была настойчива. Зеркало держалось, сколько могло, пока под ним не оказалась пустота.

Тихий шорох и грохот осколков.

— Почему? Почему? — услышал огонек.

Ответа огонек не знал. Ответа не было. И успеха не было. Успех подарит безграничные возможности. Не будет невозможного. Все, что было невозможным, станет возможным. Вернуть невозвратное. Исправить неисправимое. Границы возможного исчезнут.

Господин поднял брошенный лист. Строчки плясали и прыгали. Он перечитал и убедился: сделано верно. Почему же опять неудача?

Вероятно, что-то упущено... Что-то осталось скрытым...

Он вскочил, отшвырнул стул, ударил кулаком уцелевшее зеркало. На полу прибавилось осколков, блестящих снежной россыпью.

— Идти до конца, — прошептал он. И смахнул подсвечник.

Огонек пал, ухватился за листок, стал крепнуть. Ботинок затоптал его. Взлетел дымок. И сгинул в темноте.

— Понять, понять: в чем ошибка? Что сделано не так?

Он глянул в темный угол комнаты. Ответы скрывались там, но до них не добраться. Ну и пусть. Теперь уж нечего терять. Надо успокоиться, остыть, найти выход. Иначе всему конец. Все погибнет. Все будет напрасно...

Бешенство мучило. Он ударил ногой по этажерке, с глухим стуком посыпались книги, отшвырнул стул. Нельзя, нельзя, нельзя... Надо остановиться...

Он бросился к окну, припал лбом к морозным узорам. Стекло поцеловало холодком. Стало легче.

Сквозь хлопья снега на той стороне улицы сонной скалой темнел дом. Ни огонька в окнах. Спят... Пусть спят... Им знать не положено... Никому знать нельзя. Тайной невозможно поделиться. Придется самому... И будь что будет...

В ночи стонала декабрьская выюга. Искала кого-то, кто поймет ее бессонное метание. Искала того, кто утешит. Искала близкую душу, одинокую, как она. Заглянула в окно, за которым виднелся смутный силуэт, метнула белым облачком и понеслась прочь. Нет ей ни сна, ни покоя, ни утешения. Ни в эту ночь, никогда.

Как нет покоя душе, сжигаемой желанием.

22 декабря 1898 года, вторник

Новое средство от чахотки.

Проживающий в Петербурге врач И. Л. Безчинский, как нам передают, открыл новое средство для лечения туберкулеза, которое было уже с успехом испытано на многих больных. Средство представляет собою озонированную жидкость, составные части которой держатся пока в секрете. В настоящее время г. Безчинский готовит обширный доклад о своем средстве для представления в Медицинский департамент.

*«Петербургский листок»,
22 декабря 1898 года*

• 2 •

Вера Сергеевна считала себя женщиной прогрессивной. То есть не верила в религию, спиритизм, переселение душ, посмертные видения, магию, гадание на картах, чудеса индийских факиров, привидения и предсказание цыганок.

Как любящая жена, она не только помогала мужу в научных опытах, но и целиком разделяла его взгляды. В сухие правила науки она добавляла восторженность. Если кто-то имел неосторожность похвалить спиритический сеанс, Ве-

ра Сергеевна налетала с такой страстью, что несчастный зарекался спорить с женщинами.

Строго научный, то есть правильный, взгляд на мир обрел цепного пса в юбке. Если бы Вера Сергеевна родилась в Древнем Риме и оказалась женой Цезаря, она бы с таким же усердием скармливала львам первых христиан, посмевших отрицать олимпийских богов. Мягкость характера мешала ей сжигать на кострах нынешних еретиков, усомнившихся в мудрости современной науки, которая отрицает все, чего не может быть.

Вера в мужа и его опыты была так глубока, что Вера Сергеевна пошла еще дальше: не замечала движения души, наличие которой наука отрицает. Она гнала предчувствия, которые изредка нашептывали ей кое-что. Если предчувствие тихонько стучалось в сердце, Вера Сергеевна нарочно поступала наоборот. Когда же случалось так, как было предсказано, она упрямо отрицала связь, объясняя случайностью и прочими разумными причинами.

Нынешним утром предчувствия вели себя дерзко. Прежде, замечая что-то такое, Вера Сергеевна сметала смуту вон. Сегодня дурные предчувствия были сильны как никогда. Еще вчера проводив мужа, она осталась в квартире одна. Ночью спала мирно, ничего не боялась. Почему же утром предчувствия накинудись на беззащитную женщину? Она отмахивалась, отбивалась, сопротивлялась, старалась не замечать. Ничего не вышло. Вера Сергеевна ощутила дыхание беды, чего-то столь нехорошего и даже страшного, что отдавалось морозцем по коже.

Хотя с чего вдруг? Откуда взятая беде?

Последнее время дела мужа поправились: у него появились пациенты. Неделю назад они переехали в пристойную квартиру: доходный дом на Казанской улице вместо убогой квартирки в Коломне¹. После многих лет мучительной бедности, когда приходилось отказывать себе во всем, появились деньги.

¹ Бедный район Петербурга.

Долги еще имелись, но самые неприличные, прачке и мяснику, Вера Сергеевна уже вернула. Сияние достатка виднелось невдалеке.

Отношения с мужем за прожитые годы окрепли. Они стали как две половинки магнита. Хоть детей у них не было, Вера Сергеевна считала, что важнее материнского счастья научные достижения мужа. Ради них она готова была пожертвовать всем. И жертвовала: ходила в старом полушубке, поношенных ботиночках, имела два платья, да и то штопаные. Фамильные украшения ее матери и обручальное колечко давно были заложены. Пустяки по сравнению с великой целью, к которой стремится муж.

И вот получены реальные доказательства, что открытие, ради которого положено столько трудов, будет оценено по достоинству: муж сообщил, какой чести был удостоен. О чем же тревожиться? Совершенно не о чем. Эти доводы рассудка Вера Сергеевна упрямо повторяла. Предчувствия слушали и покалывали сердце тревогой.

Побродив по квартире, Вера Сергеевна поняла, что больше не может мучиться. Надо занять себя делом, и пустые страхи слетят, как пыль. Дел перед Рождеством у хозяйки множество. Кухарки еще нет, все приходится самой. Ничего, скоро в доме появится прислуга.

Вера Сергеевна прикинула самые насущные хлопоты: во-первых, елка. Затем надо запастись рождественским гусем, которого она умеет запекать с хрустящей корочкой. Столько лет не могли позволить себе гуся на Рождество. Муж обожает. Еще для праздничного стола всего закупить. Еще подарки. Мужу и знакомым. В этом году надо отдать рождественские визиты. Сколько лет было стыдом делать визиты в старом платье, да и подарки купить не на что. Нужно новое праздничное платье, о котором мечтала. Пусть не сшитое у модистки, готовое, но уже радость.

Нет, платье подождет. Гусь важнее. Вера Сергеевна предстала: сейчас идти в мясную лавку, торговаться с мясником, нести тушу до дома, укладывать в ледник. Ох... Она

согласилась, что гусь подождет. Чем ближе праздник, тем приказчики уступчивее. Завтра купит. Сегодня есть дело важнее.

Она открыла шкатулку, в которой появилось несколько купюр. Вера Сергеевна редко видела десятки, обычно мелочь и рублевки. Как богачка, не считая, взяла ассигнацию, сунула в шелковую сумочку, верную подругу многих лет и отправилась в прихожую. Занявшись важными хлопотами, Вера Сергеевна проверила: предчувствия притихли, но не исчезли.

На улице жег мороз. Полушубок не грел. Вера Сергеевна привыкла. Согревали радостные мысли. На другой стороне улицы извозчик привез даму в лисьей шубе, увешанную ворохом кулков, коробочек и свертков. Идти до места, куда собралась Вера Сергеевна, было минут пятнадцать неторопливым шагом. В такой холод трудно решиться на прогулку.

Вера Сергеевна перебежала улицу, залезла в пролетку и накрылась облезлой войлочной накидкой. Она приказала на Сенатскую площадь. Извозчик запросил двугривенный¹. Цена безбожная, но торговаться не стала, чтобы не портить праздничное настроение.

В нынешние рождественские праздники городская дума осчастливила Петербург мудрым решением: елочный базар с ларьками, торгующими подарками, перенесли от Гостиного двора, где издавна располагалась ярмарка, к Сенатской площади: от памятника Петру Великому до Александровского сада. Заботу горожане не оценили. Придя за елками и подарками и не найдя рождественские ряды, они ругались и разбрелись по ближайшим магазинам. В Гостином дворе и Пассаже царила праздничная сутолока, а на Сенатской было пусто. Мороз и привычка покупать там, где заведено, оказались сильнее.

— Извольте, мадам, приехали...

¹ 20 копеек.

Сунув извозчику две монетки, Вера Сергеевна с приятным томлением оглядела праздничный торг. Давно не могла позволить себе маленькую радость: выбирать подарки. Глупость, а как приятно. Чего тут только нет: бакалейный и басонный товар, игрушки и картины, искусственные цветы и книги, медная и фарфоровая посуда, часы и трости, зеркала и пропасть всего, от чего глаза разбегаются.

Меж тем среди изобилия покупателей почти не было. Торговцы скучали «без почина», топтались, хлопали по плечам, бокам и спинам, чтобы согреться. Вера Сергеевна решила осмотреться, не задерживаясь, чем печалила торговцев.

Обойдя ряд ларьков, она оказалась у елок. Елки были хороши, так и просились в дом. Вера Сергеевна представила: грузить елку в пролетку, потом просить извозчика донести до квартиры, платить сверху... Нет, лучше купить ближе к дому: мясники ставят елки у лавок, продают задешево постоянным покупателям. Тут же к услугам нищие, которые за гривенник готовы донести покупку куда прикажут. На праздник дело налаженное.

Вера Сергеевна окончательно отказалась покупать елку. Чем глубоко ранила торговца Спиридонова, который изготавился всунуть небогатой даме елочку попроще. И топориком заманчиво поигрывал.

Прогулка в ботиночках с дырявой подошвой даром не прошла: от холода Вера Сергеевна ног не чувствовала. Вернется завтра и купит подарки. Все же уехать с пустыми руками было жаль. В ларьке с книгами выбрала красивый том, о котором мечтал муж. Заплатила и побежала к пролеткам.

Поднявшись по лестнице, Вера Сергеевна сунула ключ в замочную скважину и нажала. Ключ не поворачивался. Она машинально крутанула в другую сторону. Замок послушно защелкнулся. Вера Сергеевна обладала ясным умом, чтобы сообразить: замок был открыт. Как же так? Она всегда тщательно запирает. Перед уходом проверила, дверную ручку дернула. Точно помнит. Неужели воры? Так ведь у них красть нечего...

Распахнув дверь, она заглянула в прихожую. В проеме напротив виднелась гостиная. Вера Сергеевна прислушалась — тишина. Если чужой был, явно затаился. Она подумала: не позвать ли дворника? Подумала и отказалась. Стыдно образованной даме показывать страх перед простым мужиком.

Вера Сергеевна вошла и громко спросила:

— Кто здесь?

Ответило тиканье настенных часов. Зайдя в гостиную, она не заметила следов воровства, обошла спальню и кабинет мужа. Заглянула в шкапулку: деньги на месте. Вроде бы в доме чужого не было...

Все же по еле заметным намекам Вера Сергеевна определила: кто-то тут шарил. Незванный гость был аккуратен, следов не оставил, но глаз хозяйки отметил мелкие изменения в порядке вещей. Вор ничего не взял. Что же ему понадобилось?

Она считала себя не только умной, но и смелой женщиной. Остаться в квартире было страшно. Предчувствия взяли с новой силой. Этого Вера Сергеевна не могла допустить. Не сняв полушубка, положила на стол подарок, упакованный в оберточную бумагу, перетянутую накрест бечевкой, рядом шелковую сумочку. Оглянувшись, она наметила, откуда осмотрит квартиру. Если страх одолеет, побежит за дворником.

Звякнул дверной колокольчик. Вера Сергеевна вздрогнула, как барышня с испорченными нервами. Вернулась в прихожую и распахнула дверь, которую забыла запереть. За порогом виднелась фигура невысокого плотного мужчины в черном пальто. Нос прятался за поднятым воротником, над которым блестели черные глаза. Он поклонился, не сняв кепи английского покроя с завязанными ушками.

— Прощенья просим-с, Николай Петрович прислали-с, — проговорил он глухим, будто простуженным голосом.

Вера Сергеевна уловила фальшь. Тот, кто стоял перед ней, пытался притвориться кем-то другим, кем не был. Изображал ласковый говорок приказчика. При этом добротное пальто шерстяной материи до щиколоток и теплые ботинки. Простой

народ такое не носит, посыльные — тем более. Да и возрастом господин не годился бегать на побегушках. Предчувствия завопили.

— Вот как? — ответила она, твердо зная, что мужу в голову не придет направить посыльного: со вчерашнего вечера он занят важнейшим завершающим экспериментом, кроме его помощника об этом никому не известно. — Зачем же вас прислали, любезный?

— Николай Петрович просят немедля-с привезти-с ему аппарат. Очень срочно-с требуют. Велел передать, чтобы мне выдали-с, а уж я доставлю-с в целости и сохранности-с... Расстараясь, как положено-с. Не извольте волноваться, мадам...

Сомнений не осталось: человек в черном пальто играл роль. Играл дурно, но нагло. Явно рассчитывал, что женщина послушается. Не на ту напал. Вера Сергеевна забыла страх и не слушала предчувствий. Надо спровадить обманщика и бежать за дворником. А лучше за городовым.

— Аппарат? — повторила она, будто впервые слышала. — Какой аппарат, любезный? Простите, не понимаю, о чем вы говорите. Это наверняка ошибка...

Она взялась за дверную ручку. Ботинок не дал захлопнуть дверь.

— Николаю Петровичу требуется аппарат. Дело особой важности. Он с визитом у влиятельной персоны, просит срочно доставить. Послал меня. Извольте выдать.

Это была откровенная ложь. Вера Сергеевна не упустила перемену в его речи.

— Вас послал Николай Петрович, — сказала она спокойно. — А вы кто такой?

Он натурально шмыгнул носом, видно, тоже промерз.

— Посыльный. Давайте аппарат, время не ждет. Николай Петрович желает немедля.

— Обычно муж направляет записку, в которой излагает свою просьбу, — Вера Сергеевна приятно улыбнулась. — Где записка?

— Записки нет, ему некогда. Несите аппарат. Если тяжелый, сам донесу, что вам таскать, — он сделал движение, будто намерился войти.

Вера Сергеевна не шелохнулась, заслоняя квартиру.

— Какой же именно аппарат вам нужен, любезный?

Человек изобразил кривую ухмылку и назвал. Вера Сергеевна поняла: кто-то узнал их тайну. Причем фальшивый посылный все перепутал. Слова говорит, а смысла их не понимает. Его послали с преступным умыслом... А если это более хитрый обман?

— Вот что, любезный, довольно дурного спектакля... Никакого аппарата у нас нет. Это глупые выдумки... Не хочу обижать вас, но вы не понимаете, о чем говорите... Не знаю, кто вы и что вам нужно, но прошу вас уйти. Иначе закричу, выйдут соседи, прибежит дворник, и вы отправитесь в полицейский участок. Уходите, или буду звать на помощь... Уходите!

Голос Веры Сергеевны дрожал, но негодей не заставит плясать под его дудку. Она защитит и дом, и мужа, и себя. Кричать умеет так, что стекла дрожат.

Ее резко толкнули. Вера Сергеевна отлетела в прихожую. Человек быстро вошел и захлопнул дверь.

— Да как вы посмели, — только проговорила она.

В лицо нацелилось острие ножа. Финка не входила в число предметов, с которыми Вера Сергеевна была знакома лично. Зато угрозу, исходившую от клинка, ощутила. Угроза была настоящей. Она видела лицо, которое не скрывал воротник. Лицо не предвещало ничего хорошего. Горло сжала судорога, закричать она не смогла.

Господин свободной рукой сгрел в охапку воротник платья и приподнял, как котенка. Старая материя не выдержала, треснула. Лоскут воротника остался в его кулаке. Он выпустил рвань и обхватил шею Веры Сергеевны пятерней, дернул к себе, как куклу, приставил острие финки ниже груди, под ребро. Разряд страха пронзил Веру Сергеевну и лишил воли. Силы оставили, она еле держалась на ногах.

— Слушай меня, — проговорил страшный человек, дыхнув трактирным перегаром. — Времени мало, уговаривать не стану. Показывай аппарат.

— У нас нет того, что вы просите, — пролепетала она.

Лапища дернула за шею.

— Упрямышься... Не хочешь по-хорошему... Ладно, я уйду, но на праздник получишь голову своего муженька. Отрежу чисто, не сомневайся. Запечешь вместо гуся... А тебе на память лицо порежу, уродиной останешься... Говори, где аппарат...

— Поймите, его нет и не может быть... Научные интересы моего мужа...

— Быстро, мразь!

Страх отнял и разум, и доводы. Вера Сергеевна превратилась в испуганный комочек, мышь в зубах кошки.

— Его правда нет...

— Даю минуту и режу лицо, — легкий нажим, и финка отозвалась болью в боку.

Вера Сергеевна издала неприличный жалобный звук.

— Ну! Говори, дура!

Отдать какую-нибудь ненужную вещь? Этот страшный человек не разберет, что получил. Когда обнаружит ошибку тот, кто его послал... Он вернется, и тогда... Тогда никого не пощадит...

Что же делать?

Если она выдержит пытку, если сумеет промолчать, негодяй выполнит обещание и убьет мужа. Лицо не жалко, порезы заживут. А мужа не станет. Он непременно исполнит угрозу, нельзя сомневаться. Для чего тогда жить? Не нужен ей этот мир без Николая Петровича. Она ему все отдала. Так разве пожалее последнее, что осталось? Чтобы он довершил начатое великое дело.

— Ну! — прикрикнул страшный человек. — Неси, мразь!

— Господи, прости меня, — прошелестели губы.

Вера Сергеевна кинулась на лезвие.

Холод вошел в нее, наполнив до краев.

Она повалилась. Чужие руки поймали тряпичное тело.
— Ах ты ж, зараза... Что наделала... Зачем... Дура! — услышала затихающий крик.

И улыбнулась: ловко получилось. Справилась и, кажется, победила...

Боли почти нет. Только сердце куском льда.

Бедный Николай Петрович, останется один-одинешенек на праздник...

Кто ему гуся запечет?..

Кто с ним опыты проводить будет?..

Все равно...

Человек что-то кричал. Ей было безразлично.

Тело стало легким, воздушным. Она уплывала. С последним проблеском Вера Сергеевна подумала: «Так исказить научные термины, перепутать ясновидение с телепатией... Какая необразованность».

Мысль исчезла.

Вслед за ней исчезла Вера Сергеевна.

Унеслась снежинкой в белой вьюге.

• 3 •

Седой ежик волос господин вытер надушенным платком. Натянуто улыбнулся и оттянул тугой воротник форменного полицейского кафтана. Сильнее воротника душила неизвестность. Аудиенция назначена на десять утра, почти одиннадцать, а его не зовут. В приемной министра посетителей нет. За что такая немилость? Он нервничал, улыбался и потел.

— Прошу простить, не изволите доложить обо мне? — как можно учтивее обратился он к господину в форменном сюртуке, который был чрезвычайно занят бумагами. Так занят, что еле виднелся за массивным столом.

— Вас пригласят, — ответил коллежский секретарь Михайловский.

Мучения визитера доставили ему особое удовольствие, недоступное простым смертным. А доступное только чиновникам. Удовольствие состояло в том, что Михайловский был чином ниже, получал всего тысячу годового жалования против пяти тысяч этого полковника, но сейчас кто перед кем заискивает и стоит навтытяжку? Вот именно...

К тому же надушенный полковник в новеньком мундире, при орденах и португее, с усиками завитыми, будто дерзкие полумесяцы, вызывал личную неприязнь секретаря.

Полковник Цихоцкий только в январе был назначен киевским полицеймейстером, но слухи о его подвигах дошли до Петербурга. Были сведения, что Цихоцкий обложил публичные дома Киева и торговцев спиртным таким оброком, что терпение народа кончилось. По этой причине он был вызван в столицу. Министр внутренних дел лично желал разъяснить главе Киевской полиции, что, борясь с пороками, меру надо знать. Объяснить мягко, по-отечески. Как умел только добрейший и либеральнейший Иван Логгинович Горемыкин, действительный тайный советник.

Пытку полковнику подстроил вовсе не министр. Он и думать забыл, кому назначил визит на утро. В это время Горемыкин в тайной комнате для отдыха, в которую можно попасть из его кабинета, угощал утренним чаем одного из трех своих заместителей, то есть товарищей министра. Обычай пить чай тет-а-тет с подчиненными Горемыкин находил не столько милым, сколько полезным. За душевным разговором он незаметно выяснял обстоятельства, про которые ему не докладывали, а в дружеском разговоре случайно выбалтывали. Если собеседник был настолько наивен, что верил в добродушие министра.

Гость министра, Александр Ильич, был достаточно опытен и умен. Он потягивал чай из севрской чашечки и являл полную открытость своей бездонной души. Заместитель прекрасно знал, как шеф умеет казаться тем, кем желает.

В газетах у Горемыкина была репутация либерала, который переживает о положении крестьян, печется о домах трудолюбия и работных домах, борется с чумной заразой, посетившей азиатские губернии, покровительствует пожарному обществу, исправлению земледелия и строительству Сибирской железной дороги. Однако за прекрасным образом, надуваемым газетчиками, скрывался жесткий политик, который лавировал за желаниями царя и ничего не делал такого, что бы не было выгодно лично ему. Только так можно взойти на вершину Министерства внутренних дел — стального хребта империи. Взойти и удержаться.

Один вопрос занимал Александра Ильича: что именно понадобилось Горемыкину? Приглашение на чай было получено вчера вечером, явного повода не имелось. Незвестность Александр Ильич крайне не любил. Под его присмотром находилась вся политическая полиция империи: корпус жандармов, охранные отделения двух столиц и Особый отдел департамента полиции. Борясь с революцией, он научился главному: беда может прийти откуда не ждешь. Надо быть готовым ко всему. Он был готов и старался уловить в приятных речах Горемыкина, куда клонит шеф.

Пока министр болтал о том, как рады чиновники министерства, что в этом году получили непривычно рано и щедро «на гуся», то есть премиальные выплаты перед Рождеством. Разделяя восторг министра, Александр Ильич ждал: когда наступит главное. Не чай же гонять его вызвали.

— Кстати, дорогой мой, а что слышно про ту машину страха? — будто невзначай спросил Горемыкин, при этом вид имел отеческий, заботливый.

«Вот оно, значит, что», — отметил Александр Ильич. Скрытая причина перестала скрываться.

— Восемь недель назад докладывал вам, ваше превосходительство, — ответил он, зная, что министр любит точность и никогда ничего не забывает. — Так называемой машины страха больше нет.

Горемыкин изобразил бровью удивление.

— Что вы говорите? Неужели... Столько дел, не успеваешь за всем следить.

— Это моя вина, что не обратил вашего внимания. Позвольте изложить обстоятельства?

— Ну, если только в общих чертах, — согласился Горемыкин, отмечая ловкое обхождение своего заместителя. Не зря с революцией борется.

Александр Ильич напомнил, что машина страха, иначе — *machina terrogis*, была изобретена господином Иртемьевым, известным петербургским спиритом и, по счастливой случайности, зятем Александра Ильича. Машина эта якобы позволяла управлять поведением человека, превращая в автомат исполнения чужой воли. Насколько возможности машины страха были реальны, установить не удалось. Изобретатель, господин Иртемьев, погиб, как погибли многие, кто пытался ее заполучить.

— В результате стечения обстоятельств единственный экземпляр был уничтожен при падении с большой высоты, — закончил Александр Ильич, стараясь уловить направление мыслей министра.

Горемыкин невозмутимо кивнул.

— Какая жалость, — сказал он, пригубив чай. — Говорите, вдребезги?

Александр Ильич подтвердил: в мелкие кусочки. Собрать невозможно, записей или чертежей в архиве Иртемьева обнаружить не удалось.

— Полковник Пирамидов приложил изрядные усилия, но спасти не представлялось возможным. Злоумышленник, который пытался заполучить аппарат, также погиб.

Министр отметил, как ловко его заместитель подчеркнул роль своего подопечного — начальника Петербургского охранного отделения. А про себя скромно умолчал.

— Кажется, у вас с супругой было приключение из-за этого аппарата, — напомнил Горемыкин.

— Сущие пустяки, не о чем беспокоиться, — ответил Александр Ильич, стараясь не вспоминать, как чудо спасло его и жену от неминуемой смерти. И не только их. Воспоминания были неприятно свежи.

Горемыкин поболтал ложечкой в чашке.

— Как бы машинка эта пригодилась именно сейчас...

Александр Ильич проследил, куда устремился задумчивый взгляд шефа: министр смотрел на портреты царствующей четы. Даже в комнате отдыха приказал повесить, чем выразил безграничную любовь к государю. Мелочь, а «там» наверняка отметят: Горемыкин предан искренно.

Незаметная деталь подтвердила слухи: при дворе интересуются всем, что выходит за границы науки, — спиритизмом, магией и прочими сверхъестественными силами. Причина слишком важна: у трона не было наследника, и возможно, не будет совсем. Медицина признала бессилие, настал черед испробовать иное.

Выйдя из облачка задумчивости, министр улыбнулся.

— Ну ничего, друг мой, не будем унывать и сидеть сложа руки. Вот князь Алексей Дмитриевич обещает нечто занимательное.

Ответив улыбкой, Александр Ильич насторожился: князь Оболенский был другим заместителем министра. Несмотря на дружеские отношения, между ними нарастала скрытая конкуренция. Которая усилилась после того, как восемь недель назад князь Оболенский оказался на волоске от гибели. Известно по чьей вине. Наверняка затаил обиду. И надумал отплатить: нашел «нечто занимательное». Если его находка окажется полезной, это сильно упрочит положение князя и пошатнет «конкурента».

— Только чур не расспрашивать: это секрет.

— В мыслях не было, — ответил Александр Ильич честно, как всегда.

— Не занимайте вечер 27 декабря. Вы приглашены. С супругой. Князь у себя устраивает, обещает любопытное зрелище.

— Благодарю, ваше превосходительство, буду непременно.

В запасе у Александра Ильича имелся козырь, даже не козырь, а так — козырек. Пришел момент использовать его. Чтобы князь Оболенский не казался таким незамеченным.

— А мы, ваше превосходительство, раздобыли прелюбопытный факт.

Горемыкин выразил интерес. Александр Ильич рассказал, что несколько дней назад ему представили некоего доктора по фамилии Котт, который утверждал, что совершил поразительное открытие в области, которую отрицает наука. Якобы ему удалось изобрести аппарат, который телепатически угадывает мысли. Действие он готов продемонстрировать. Открытие казалось любопытным, а доктор не выглядел сумасшедшим. Во всяком случае, подобных сведений о нем не нашлось.

— Довольно интересно, — министр прикинул, какие выгоды может получить, если изобретение не окажется выдумкой больного воображения. — Впрочем, вызывает некоторые сомнения. Вам не кажется?

Александр Ильич знал: Горемыкин не хочет рисковать, представив при дворе неизвестно что. Вдруг обман или фокус.

— Полностью согласен, ваше превосходительство, — ответил он. — Сомнения значительны. В связи с чем прошу вашего разрешения проверить названный аппарат. Основательно и неоднократно. После чего доложить результаты.

Предложение было признано разумным.

— В случае успеха аппарат можно будет применять в нашей службе, — закончил Александр Ильич. — Да и полицейским князя Оболенского пригодится.

— Гляжу, у вас все продумано, друг мой, — Горемыкин отметил про себя расторопность заместителя и как ловко тот щелкнул князя. — Как проверять будете?

— Направим доктора в сыск, пусть там ставит опыты. Сможет продемонстрировать аппарат в деле.

Горемыкин поджал губы.

— В сыск? Почему же в сыск?

Брезгливое отношение министра к сыскной полиции не было известно газетчикам и широкой публике. Зато Александр Ильич на него рассчитывал.

— Я бы предпочел отдать доктора полковнику Пирамидову. Но считаю неправильным допускать малоизвестную личность к охранному отделению, — ответил он. — Получим результат на воришках, там видно будет.

— Что ж... Это разумно, дорогой мой. Кому намерены поручить?

Ответ Александр Ильич держал наготове.

— Чиновнику Ванзарову.

— Ванзаров... Ванзаров, — будто стараясь вспомнить, проговорил Горемыкин. — Что-то знакомое. Кажется, он имел отношение к поискам машины страха?

— Самое косвенное. Ванзаров как раз подходит для такой цели: не слишком умен, не слишком расторопен, талантами не отличается, зато упрям до неприличия. Не возражаете, ваше превосходительство?

Министр одобрил кандидатуру заурядного чиновника сыска для испытаний неизвестно чего.

Приютное чаепитие продлилось еще с четверть часа в обсуждении планов на праздники, после чего Горемыкин отпустил своего заместителя. Все, что хотел, он узнал: между его ближайшими подчиненными нарастающая вражда. Очень хорошо.

Выйдя в приемную и кивнув секретарю Михайловскому, Александр Ильич заметил полицейского полковника, румяного, как спелое яблочко. Кажется, киевский полицеймейстер. Значит, по ведомству князя Оболенского. Недурно, если бы князь эдак побагровел от злости.

Не поклонившись полковнику, стоящему смиренно, Александр Ильич вышел из приемной. Идя по коридору, устлан-

ному ковровой дорожкой, отвечая кланявшимся чиновникам, он думал: «Вот ведь прохвост... Что же разыскал князь Оболенский? Что за счастье раздобыл? Ну, поглядим, поглядим».

● 4 ●

В приметы извозчик Пяткин верил крепко. Особо — в счастливые. Скажем, стоишь на Невском проспекте, кажется, народу — тьма, толпами бегут туда-сюда, только загребай серебро. Так ведь нарочно никто не наймет. А бывает, остановишься на пустой улице, и сразу пассажир залезает, пожалуйста. Отвезешь куда надобно, сразу возвращайся обратно, на то же место. Только бороду от инея стряхнешь — а уже новый ездук тут как тут. И так цельный день, успевай вертеться. Жаль, примета шалит — бывает, обманывает. Чаще всего.

Все же Пяткин понадеялся сегодня на удачу. Только привез барыню с покупками на Казанскую улицу, тут же другая села. Отвез ее на Сенатскую, оставаться не стал, и без него прелеток толпа. Вернулся на Казанскую и угадал: господин приказал на Крестовский остров, заплатил не торгуясь. Последнее обстоятельство особенно грело обиженную душу извозчика.

Обидела Пяткина городская дума: додумалась перед праздниками ввести тариф на поездки. Теперь пассажир мог требовать оплату строго по тарифу, без запроса. И это когда? В самое хлебное время, перед Рождеством и Новым годом. Когда все мечутся по столице с визитами. Извозчики на два месяца вперед себе и лошаденке на пропитание зарабатывают. И тут такая напасть: не смей брать свыше положенного. А если господа не возражают? Им без разницы, а для Пяткина каждый гривенник на счету. Опять душат простой народ, как хотят.

Хорошо «лихачу», у которого лакированные сани запряжены тройкой с бубенцами. И медвежьи покрывала у него, и подушки шелковые, и лошади сытые, и полушубок новенький, расшитый. Лихачам тариф не страшен: с ними не торгуются, от-

валивают, сколько запросят. Так ведь это не езда, а пыль в глаза пустить, себя показать и размахом удивить. Пяткину такое счастье недоступно. Он простой «ванька», спасибо, что лошадка бегаёт. С него будут драть по тарифу. Что за жизнь извозничья...

В тяжких думах он свернул на Казанскую и натянул вожжи, когда лошадка дотащила пролетку до счастливого места. Короткий зимний день таял в сумерках. Желающих взять пролетку не видать. Не потому, что их скрывала наползающая темнота. Улица была пуста. Даже городского нет. Знать, удача опять обманула. Пяткин прикинул: раз такое дело, не подъехать ли к гостинице «Виктория», невдалеке, на углу Казанской и Демидова переулках.

Все же он предоставил удаче шанс оправдаться: обождет малость. Может, капризная девица одумается.

Минуты тянулись киселем. Терпение истощилось. Пяткин натянул на уши овечий малахай и взялся за вожжи, чтобы тронуть лошаденку.

— Извозчик!

Крик был приятен, как поцелуй. Пяткин обернулся. Позади у дома виднелась парочка. Господин в теплом пальто до пят поддерживал даму за талию. Наметанным глазом Пяткин определил: дамочка подгуляла. Полушубок нараспашку, платок кое-как повязан, да и сама прижалась к плечу господина. Он хоть ниже ростом, да держит крепко. Чтобы, значит, не свалилась на улице.

Пяткин спрыгнул с козел и пригласил жестом: дескать, карета подана, извольте. Парочке надо было пройти дюжину шагов, что потребовало усилий: господин буквально нес даму в вертикальном положении, ботиночки ее волочились по снегу. Господин был так силен, что дотащил ее до пролетки, поднял наверх, усадил на диванчик и бережно укрыл войлочной накидкой до шеи. Голова дамы покосилась к плечу.

Господин спрыгнул и поправил модное кепи. Пяткин еще подумал, что по морозу в таком уборе может гулять только человек медвежьего здоровья. Господин таким и казался: разрумянился, дышал легко.

— Дама не рассчитала силенок, — сообщил он. — Простим. Веселье и праздник!

— Оно, конечно, бывает, — ответил Пяткин, повидавший всяких дам. Иной раз пролетку приходилось отмывать.

— На Обводный¹ отвезешь?

Тут Пяткин сообразил, что господин оставляет даму на него. Дескать, донес — дальше не его печаль. С чем извозчик был решительно не согласен.

— Да как же возможно? Нет уж, прощения просим...

Господин хлопнул по плечу.

— Не бойсь, друг дорогой, пока доедешь, она очухается. На морозе в себя придет. Я ее знаю...

— Так ведь это как же, — начал Пяткин и прикусил язык. Ему совали пятирублевку.

— Хватит за хлопоты?

Извозчик хмыкнул, сделав вид, что еще думает, соглашаться ли. Хотя в душе благодарил удачу. За трешку согласился бы. Вот это — настоящая цена, не то что тариф проклятуший.

Всем видом показав, какое одолжение делает, Пяткин спрятал ассигнацию за пазуху.

— Дом какой изволите?

— Привезешь на угол Лиговской улицы и Обводного, она очухается, укажет, — сказал господин и поднял воротник, будто озяб. — Вези не спеша, пусть на холодке протрезвеет.

— Как прикажете, — буркнул Пяткин, жалея уже, что мало взял: надо было хоть целковый² сверху запросить. Господин вида неказистого, а при деньгах.

Он залез на козлы, тронул поводья и крикнул: «Но, пошла!»

Лошаденка дрогнула промерзшими боками и потащила пролетку. Пяткин обернулся. Господин в кепи исчез, будто растворился. Извозчик покосился на пассажирку. Дама спала

¹ Обводный канал — отдаленный заводской район столицы с домами, где жили фабричные рабочие.

² Рубль.

крепко, лежала, как уложили. Лицо ее скрывал платок. В темноте разобрать трудно, но показалось ему, что даму уже видел. Не сегодня ли подвозил?

Думать об этом Пяткину было лень. Красная бумажка радовала карман. Он прикинул: отвезет и вернется на счастливое место. Точно счастливое. С таким заработком тариф проклятый не страшен.

• 5 •

Николай Петрович ощутил себя богачом. Чувство было незнакомым, но приятным. Оно грело лучше поношенного пальто и единственного костюма, который надевался в любой сезон. Пятьсот рублей были в кармане. Огромная сумма. Николаю Петровичу привычно захотелось рассказать жене. Правду, конечно, знать нельзя, это секрет, пусть будет красивая выдумка. Начнет с того, что за первый визит получил двадцать пять рублей. Редкому петербургскому доктору столько заплатят. А ему вручили, как будто знаменитость и светило. Он чуть не отказался: случай совершенно пустяковый, типичная истерия барышни, сжигаемой огнем молодости. Выписал пациентке успокоительные капли, да и только. Родителям же деликатно объяснил причину: со свадьбой пройдет. Ну и прочее в таком же духе.

Посреди мечтаний Николай Петрович обнаружил себя на углу Апраксина двора¹, выходящего на Садовую улицу Александровской линией с лучшими магазинами. Стоило повернуть голову, как витрина магазина золотых и серебряных изделий Замошникова ослепила блеском. Он подумал, что нужно сделать подарок. Прямо сейчас. В качестве извинения за то, что обязан был поступить так, а не иначе. Это правильно.

Из магазина Николай Петрович вышел с бархатной коробочкой, в которой устроилось колечко с камушком. Приказчик уверял, что золотое колечко 56-й пробы² изящного мод-

¹ Каменные торговые ряды с множеством разных магазинов.

² Проба 56 золотников соответствует современной 585-й пробе.

ного фасона «фантазия» с изогнутой змейкой — отличное, хризолиты чистой воды, а цена исключительная, только ради праздника. Обошлось колечко в шестнадцать рублей. Николай Петрович был доволен, позволил себе роскошный подарок. Он прошел мимо витрины соседнего магазина Белова, где такое же колечко стоило вполтину дешевле.

Миновав стальные павильоны Сенного рынка и перейдя Екатерининский канал по Демидову мосту, Николай Петрович оказался у гостиницы «Виктория». Его одолел новый соблазн: отужинать в ресторане гостиницы. Он не помнил, когда последний раз бывал в настоящем заведении. Николай Петрович почти поддался искушению. Но сила воли победила: нельзя швыряться деньгами.

Он заставил себя пройти мимо. И тут его окликнули по имени-отчеству. Николай Петрович оглянулся. К нему спешил невысокий господин в добротном пальто, который на ходу приветственно махал кепи. Несмотря на морозный сумрак и тусклый свет фонаря, Николай Петрович был уверен: господин совершенно незнаком. А останавливать на улице незнакомого считалось верхом неприличия.

Подбежав, господин поклонился, как цирковой мишка.

Николай Петрович приподнял котелок.

— Что вам угодно?

— Какое счастье, что вот так случайно на улице встретил вас, — бодро ответил господин, заломив кепи на затылке. — Столько дней вас ищу повсюду, и вот удача!

Незнакомец излучал искреннюю радость. Николай Петрович невольно улыбнулся.

— Прошу простить, с кем имею честь?

— Филипп Филиппыч, — резво ответил господин.

— В чем, собственно, состоит ваше дело? — спросил Николай Петрович, ожидая узнать, кто же его рекомендовал.

— О, это долгий разговор! Да что же мы на морозе стоим, — Филипп Филиппыч обернулся. — Окажите удовольствие, позвольте пригласить в «Викторию». У них кухня приличная. Для меня высочайшая честь и удовольствие разделить с вами

трапезу. Не откажите, уважаемый доктор! Снизойдите до моей просьбы! Осчастливьте! Молю вас!

Бурными жестами господин приглашал следовать за ним. Николай Петрович невольно проглотил слюну. Что плохого поужинать? Желания соблазняли. Но что-то казалось неправильным. Быть может, Филипп Филиппыч излишне выражал восторги. Слишком наигранно. Слишком напористо. Николай Петрович умел отличать ложь. Пришла странная мысль: нельзя садиться за стол с этим господином. Без всяких разумных причин: просто нельзя. А еще он вспомнил: мельком заметил этого человека в казенном заведении, где получил нынче аванс. Тот отирался вдалеке коридора, будто филер.

— Сожалею, совершенно не имею свободного времени. Чрезвычайно спешу. Вынужден вам отказать, — ответил Николай Петрович, приподняв край шляпы. — Всего доброго.

Филипп Филиппыч загородил путь. При этом радушно улыбался.

— Ну как же так, дорогой доктор! Обидели до глубины души.

— Возможно, как-нибудь в другой раз, — Николай Петрович попытался обойти, но ему не дали. — В чем дело? Позвольте пройти.

— Дело наиважнейшее. Для вас, уважаемый доктор... Не хотите в ресторане, я не гордый, давайте здесь обсудим.

— Не желаю ничего обсуждать, — Николай Петрович начал злиться: какой-то тип смеет задерживать посреди улицы. Правильно, что не поддался на сладкие речи. — Прошу не мешать пройти. Или крикну горохового.

Филипп Филиппыч вздохом выразил сожаление.

— Ну зачем вы так, уважаемый доктор, я ведь с самыми чистыми намерениями... Хочу предложить вам дело, которое сулит чрезвычайную выгоду. Если не сказать, богатство... Получите целое состояние. Разве не любопытно?

Николай Петрович поколебался. И проявил невольный интерес. Филипп Филиппыч пояснил, что желает заполучить, включая проведение наглядной демонстрации. После чего на-

звал сумму, которую готов заплатить. Невероятную. Оглушительную. Голова закружится.

— Будет выплачено вам сразу, как только проверим действие аппарата, — закончил он, подмигнув. — Ну как? Может, теперь найдется время обсудить детали в тепле и уюте под хорошую закуску?

Николай Петрович молчал. Молчание было истолковано как борьба разума с жадностью. Филипп Филиппыч предъявил пачку сторулевых ассигнаций.

— Здесь две тысячи. Извольте получить сразу, авансом. Вот вам мое слово купеческое: если аппарат не оправдает ожиданий, деньги останутся у вас. Ну как? Продолжим в «Виктории»?

Деньги были близко: взять и положить в карман. Николай Петрович не думал о деньгах. Мысли его были о другом: откуда просочились сведения? Что теперь делать?

— Ну, доктор, согласны?

— Вы ошиблись. Ничего подобного у меня нет и никогда не было. Прошу больше не беспокоить... Пошел вон! — крикнул Николай Петрович, толкнул Филиппа Филиппыча локтем и двинулся мимо.

До дома он дошел торопливым шагом, часто оглядываясь. В темноте разобрать трудно, но фигуры с кепи не заметил. Николай Петрович решил, что не должен отвлекаться от самого главного. Для этого нужны все силы. Остальное пустяки. Он крутанул рычажок дверного звонка. За дверью послышалось треньканье колокольчика.

Ожидание становилось слишком долгим.

Николай Петрович позвонил снова.

Что такое? Может, Вера Сергеевна заснула? После третьего звонка Николай Петрович ощутил, как недоброе заползает в сердце. Нельзя волноваться, надо сохранять спокойствие.

Он отпер ключом дверь и вошел. В доме было темно и тихо.

— Вера Сергеевна? — позвал и услышал эхо с отдаленным тиканьем часов.

В прихожей нет ни женских ботинок, ни полушубка, ни платка. Неужели пошла искать? Николай Петрович знал, что

Вера Сергеевна боялась выходить из дома в темноте. Должна быть дома, обязана. Но ее нет. Что теперь делать?

Забыв снять пальто, Николай Петрович вошел в гостиную. На столе лежал сверток в бумажной обертке. Любопытство заставило дернуть веревочный узелок. Показался роскошный том «О началах» Оригена Александрийского. Книга, которую мечтал получить. Чудесный подарок. Рядом лежала шелковая сумочка-мешочек. Вера Сергеевна ушла с пустыми руками. Убежала... Плохо, плохо... Совсем плохо...

Потянуло сквозняком. Николай Петрович выложил коробочку на стол и зашел на кухню. Дуло от двери, ведущей на черную лестницу. Створка приоткрыта, щелочка, запиравшая дверь, отведена в сторону. Получается, Вера Сергеевна ушла по черной лестнице? Николай Петрович терялся в мыслях: как поступить?

Что делать? Ждать? Или искать по ближайшим лавкам? Или опоздал...

Сомнения прервал дверной колокольчик. Наверное, она вернулась. Николай Петрович сдавил подступавшую злость и пошел открывать.

— Это сюрприз! — сказал он, что пришло на ум, распахнув дверь.

На лестничной площадке клубился сумрак, а в нем виднелась женская фигурка. В первую секунду Николай Петрович подумал, что Вера Сергеевна купила зимнюю жакетку и беличью шапочку с перышком.

— Что вам угодно? — спросил он, не зная, как вести себя.

Пальчики, затянутые в лайковую перчатку, протянули сложенный листок.

— Вам просили передать, — сказал приятный молодой голос, похожий на шепот.

Николай Петрович машинально принял.

— Что это? От кого? — растерянно спросил он.

— Вера Сергеевна просила передать вам, — дама присела, изобразив книксен, и быстро спустилась по лестнице. Так быстро, что Николай Петрович, окончательно сбитый с толку,

остался в дверях с листком. Наконец он мотнул головой, будто смахивая наваждение, развернул письмо. В неровном свете прихожей прочел:

«Ваша жена находится у нас. Если не хотите получить ее отрезанную голову, отдадите ваш аппарат. На раздумья сутки. Аппарат принести утром в Никольский рынок, оставить старьевщику Семину. Тогда вашу жену отпустим. Если обратитесь в полицию, ваша жена умрет». Подписи не имелось. Почерк был специально корявым.

...Спустившись до начала лестницы, дама остановилась и прислушалась. Было тихо, только шорохи дома да свист ветра. Как вдруг сверху долетел вой, будто кричал раненый зверь. Она улыбнулась, поправила вуалетку, сбившуюся от бега, и проскользнула в дверной проем. Во дворе было пусто. Метель наметала сугробы. Она ступила ботиночками в снег и провалилась по щиколотку. Не смущаясь, высоко задрала юбку и размашистыми прыжками пробралась до ворот. И скрылась стремительной ночной тенью.

• 6 •

Лошаденка тащилась еле-еле. Пяткин честно не спешил. До Обводного доплелся, насколько хватило терпения. Выехав на угол Лиговской улицы и набережной канала, которая представляла собой земляной откос, укрытый снежным покровом, он натянул поводья. Пролетка встала. Место глухое: справа пути Николаевской железной дороги и заснеженные сады, слева ободранные домишки. Тьма и тьма кругом.

Пассажирка безобразий не устроила. Что извозчика поразовало.

— Мадам, Обводный, как приказывали, куда дальше-то? — спросил он, оборотившись на козлах.

Женщина не ответила.

— Будьте любезны, приехали! — громко сказал Пяткин.

Пассажирка лежала, укрытая накидкой. Как уложили.

— Вот пропасть, — пробурчал он и стал слезать.

Пролетка качнулась на рессорах. С ней шевельнулась спящая.

Пяткин встал на подножку, легонько толкнул в плечо.

— Вставай, милая, хорош дрыхнуть, — без обхождения сказал он.

Дама осталась безразлична. Даже головы не подняла. Пяткин малость озлился: напьются до бесчувствия, а потом возись с ними. Дружок обещал, что проспится на морозе, и вот, пожалуйста, лежит поленом.

Скинув покрывало, он схватил женщину за локоть и хорошо дернул. Голова ее мотнулась и повисла.

— Ох, ты ж!.. — и Пяткин добавил крепкое словцо.

Сильно не понравилось ему: сон больно глубокий, так не спят с тяжкого похмелья. Особенно на морозе. Он выпустил локоть. Женщина повалилась кулем, шея изогнулась.

— Ой, матушки...

Оглянувшись, Пяткин вскочил на верх пролетки и сдернул платок с лица пассажирки. В темноту смотрели холодные глаза, челюсть свисла, открывая рот, который не источал парок дыхания. Лоб и щеки покрыл иней, как на камне.

Пяткин коснулся ее щеки и отдернул руку.

Вот это подарочек. Что теперь, бежать за городovým? Ну, явится служивый, первым делом начнет допрос: кто такая, зачем посадил пьяную да как вез, что женщина умерла по дороге, почему не помог, не уследил. В общем, сделают Пяткина кругом виноватым. Обвинят и отправят кормить тюремную вошь года на два. Когда выйдет, считай, жизнь пропала, лошадь с пролеткой товарищи приберут к рукам. Ладно, лошадь, из столицы вышлют. И пойдет Пяткин, неприкаянный, нищенствовать по Руси великой...

Нет уж, не бывать такому. Бедняжке не помочь, свою шкуру спасти надо.

Стоя на возвышении, Пяткин осмотрел окрестности. На Обводном было пусто. Час поздний. Фабричные по трактирам сидят, прохожих не видеть, лавки закрыты. Да и городских не заметно, тут окраина, пристав службу не проверяет. Тоже, небось, в трактире греется за бесплатным угощением.

Спрыгнув, Пяткин взялся за ботиночки пассажирки и резко дернул. Съехав с диванчика, она приложилась затылком об пол, затем о подножку и свалилась к колесам. Полдела сделано. Присев, Пяткин наглухо замотал ей лицо платком, как саванном, откатил тело ближе к откосу канала, раскачал и сильно толкнул.

Покатившись по мягкому снегу, дама исчезла в сугробе. Как не бывало. Остался лишь примятый след. Внимания никто не обратит, никому дела нет. До весны не найдут. А когда из-под снега покажется, пусть полиция поищет, кто такая да как тут оказалась. Пяткин снял шапку и трижды перекрестился.

— Прости, Господи... Прости и ты, душа невинная, как там тебя величали...

Поминки были окончены. Он забрался на козлы, крикнул: «Пошла!» — и ожег кнутом. Лошаденка вздрогнула и побежала. Пяткин хлестал, чтобы убраться поскорее. Вскоре пролетка исчезла во мраке.

Фонарей на Обводном отродясь не бывало.

• 7 •

Александровская линия блистала витринами. Несмотря на поздний час, лучшие магазины Апраксина двора были открыты. В последние дни перед праздником торговали до последнего покупателя, хоть бы ему вздумалось заглянуть за полночь. Да еще товар подвозили поздно, чтобы не смущать важных господ тюками и свертками. Приказчики падали от усталости и ночевали за прилавком: утром открывались за светом.

Но если прохожего случайно занесло позади парадных витрин, туда, где начинался Апраксин рынок, ему открывался иной мир: тишь, темень и замки на дверях. Купцы, торговавшие на пространстве рынка до самой Фонтанки, давно заперли лавки, магазины да склады и гоняли чай за домашним самоваром или угощались в ближайших трактирах и чайных. За

покупателем гоняться они не привыкли, покупатель сам шел на поклон. Потому как занимались тут торговлей основательной, товаром нужным, а не баловством для развлечения души. Притом цены самые умеренные.

Каменные здания торговых корпусов, поставленные в беспорядке лабиринта, тонули в темноте. Газовые фонари не горели. Сторожа, обязанные обходить территорию рынка каждый час в течение ночи, грелись в сторожках с дворниками. В дальнем закутке городской, промерзший на посту, угощался у хозяина хлебным винцом. В знак почтения к полицейской власти. Да и то сказать: кому на ум придет шалить в такой час и холод? Добрый человек из дома носа не высунет. А недоброму — лень.

Витрина лавки, что занимала помещение в корпусе Козлова, была закрыта ставнями с навесным замком. Однако в щели мерцал еле заметный свет. Отблески падали от подсвечника, поставленного на прилавок. Мимо него прохаживался хозяин, сверкая голыми икрами. Купец был облачен в шелковый халат на голое тело, на ногах — турецкие тапки с загнутыми носами. Подобный вид годится для романтического свидания. Но если посторонний пронюхает, какие шалости позволяет себе уважаемый купец Морозов, его репутации придет конец.

В помещении было так холодно, что при вздохе изо рта вылетало облачко. Морозов не замечал холода. Шагая из угла в угол, он поглядывал на часы, попадавшие куда ни глянь, и выражал недовольство кряхтением. Циферблаты показывали разное время, но было ясно: гость бессовестно опаздывает. А ведь сговорились наверняка. Такое неуважение. Сколько прикажете ждать? Может вовсе не явиться.

Раздумья прервал резкий стук. Морозов ругнулся и прошлепал к двери. Повернул ключ, ждавший в замочной скважине, и распахнул дверь. Ворвался ледяной ветер. На пороге стоял незнакомец.

— Чего надо? — буркнул Морозов, определив по тертой шнели нищего или попрошайку. — Работники не требуются...

Он взялся захлопнуть створку, но в нее уперся носок дражного сапога.

— А ну не балуй! Сейчас городского кликну... Проваливай...

— Не гони, от него я... Посланец...

— От кого это еще?

Было произнесено имя.

Голос скрипящий, как ломаная ветка. Морозов почему-то поверил. Вгляделся в незваного гостя: шинель старого покроя до пят, воротник поднят, лицо замотано вязаным шарфом, на голове черная фуражка. Глаза за зелеными очками в стальной оправе.

— Кто такой?

Гость назвался. Морозов никогда не слышал этого имени.

— Зачем пришел? — спросил он, желая закрыть дверь. Холод лютовал не на шутку.

Ему ответили, как должно. Знать об этом мог только тот, кого ждал Морозов. Значит, в самом деле посланец. Он отступил, пропуская гостя. Человек прошел, тяжело ковыляя и припадая на левую ногу. Шинель волочилась по полу.

Хлопнув дверью, Морозов повернул ключ. Здоровье у него крепкое, но тело показалось куском льда.

— Почему сам не пришел?

— Не мог. Меня прислал, — ответил он, не обернувшись.

— Ну, раз так... — Морозов чихнул и вытер нос рукавом халата, — что прикажешь?

Последовали указания точные и простые, каких купец ожидал. Он выполнил все, что от него потребовали, послушно и не переча. Ради такого дела не жалко. Лишь бы толк вышел. А тогда... Морозов загадывать боялся, что сможет получить. Если удачно сложится.

— Изволь, готово, — сказал он, садясь на старинный резной стул с подлокотниками.

Посланник протянул длинный шелковый шнур под днищем стула. На конце шнура имелась петля со скользящим узлом.

— Надень.

Морозов поежился.

— Это зачем?

— Он велел.

— Смотри не ошибись, друг милый, — Морозов накинуд на шею петлю.

Огоньки свечей дрогнули.

23 декабря 1898 года, среда

Совершенно новое применение фонографа.

Во избежание необходимости просить кого-то из гостей принять на себя труд дирижировать танцами, хозяева просят одного из опытных дирижеров проговорить всю команду кадрили, мазурки и других танцев в фонограф. При начале танцев фонограф ставится на возвышенное место, откуда его было бы всем слышно, заводится механическое пианино, и танцы начинаются.

*«Петербургский листок»,
23 декабря 1898 года*

• 8 •

Комнаты сияли праздничным освещением. Чиновник Министерства иностранных дел не считался с расходами. Господин Ванзаров делал карьеру, имел чин коллежского советника и намерение подняться по служебной лестнице так высоко, как позволят. Для чего снимал большую квартиру на Таврической улице, самой престижной в столице. Кроме несомненных талантов, которые за ним признавали даже завистники, Борис Георгиевич удачно женил-

ся. Любовь соединила его с младшей дочерью тайного советника Мертенса, который распоряжался назначениями в министерстве. Совпадение, конечно же, что бы ни болтали злые языки.

В канун Рождества Борис Георгиевич устроил утренник для детей чиновников, служащих под его началом. Нельзя сказать, что это была отчаянная дерзость. Однако прежде чем разослать приглашения, он посоветовался с тестем: как на это посмотрят. Тесть пояснил, что нынче либеральные порядки. Пусть дети порадуются.

Больше детей обрадовался Борис Георгиевич: событие должно значительно повысить его авторитет. Посему праздник устроил с размахом. Он попросил супругу, Елизавету Федоровну, не скупиться. Для детей были приглашены: фокусник, оперная певица, исполнитель оригинальных куплетов, чечеточник, пара, танцующая испанские танцы, и пианист-аккомпаниатор. Для взрослых накрыли щедрый стол с закусками. Всех ожидали подарки. Подчиненные выражали шефу восторги, смакуя отменную севрюгу, пока чада водили хоровод с хозяйкой дома.

Праздник удался. Кроме одной мелочи. Борис Георгиевич то и дело вынимал из кармашка жилетки золотые часы. На праздник был зван бездетный гость. У него даже жены не имелось. Что сильно не нравилось Елизавете Федоровне. Так сильно, что она взялась исправить положение и пригласила дочь крупного коммерсанта. Занимаясь детьми, Елизавета Федоровна приглядывала за девицей, которая забыла, что она — барышня на выданье, и прыгала упитанной козочкой.

Борис Георгиевич разделял намерение супруги, кто бы ему позволил перечить, но про себя сомневался, что гость явится. Слишком хорошо изучил его за двадцать восемь лет. Как настоящий дипломат, он заранее подбирал оправдания, предвидя, что случится то, что случиться должно.

И тут сквозь крики детей и перезвон бокалов Борис Георгиевич узнал звонок дверного колокольчика. Он чуть не бро-

сился в прихожую. Что непозволительно в присутствии подчиненных. Спрятав часы, Борис Георгиевич пригласил идеально уложенный фамильный вихор.

Он собирался встретить долгожданного гостя по-английски, дружеской улыбкой и фразой: «А, вот и ты, Родион». Может быть, милая шутка, может, хлопок по плечу. Затем представит брата чиновникам, умолчав, где он служит. Немного светского общения, прежде чем бросить на растерзание жене. И вздохнуть с облегчением.

Вдох облегчения застрял в горле. То, что Борис Георгиевич увидел, было значительно хуже, чем если б гость не явился. Не сказать, что младший брат выглядел ужасно. Нет, совсем нет. Он выглядел чудовищно. По мнению любого приличного человека. Вместо шевелюры соломенного цвета и непокорного вихра торчал кривой ежик, будто слепой парикмахер кромсал ножницами в темноте. На висках, на лбу и даже на темечке виднелись зажившие шрамы. Младший братец походил на каторжника, сбжавшего из Сибири. Успел сменить арестантскую робу на цивильный костюм и галстук-регат¹.

— Что случилось? — спросил Борис Георгиевич, забыв про шутки. Он смотрел и не узнавал родного брата.

— Извини, Борис, мне не следовало приходиться, — Ванзаров развернулся к двери.

Борис Георгиевич поймал его за локоть.

— Что случилось с тобой? — повторил он с искренней тревогой, какую нельзя сыграть нарочно.

Ванзаров пожал ладонь брата, отчего тот скривился: рукопожатие было медвежьим.

— Не так давно заглянул в лечебницу.

— Лечебницу? Какую еще лечебницу? — не поверил Борис Георгиевич, зная, что брат отличался бычьим здоровьем.

— Больницу святителя Николая Чудотворца.

— Так это же... — начал дипломат и не смог договорить.

¹ Галстук на резиновых лямках с застежкой с постоянным узлом.

— Больница для умалишенных.

Отметив знакомую улыбочку братца, Борис Георгиевич не мог понять: это шутка? Или на самом деле Родион оказался там, куда ему следовало отправиться? Особенно после того, как младший четыре года назад запятнал честь семьи, придя служить в полицию.

— Как впечатления? — нашелся Борис Георгиевич.

— Чудесно. Заботливые доктора, хорошие лекарства, приятные развлечения.

— Это какие же?

— Надевают смирительную рубашку, привязывают ремнями к стулу и вскрывают череп.

— Что же нашли в твоей голове, когда вскрыли черепную коробку?

— Мой череп не поддался скальпелю.

— Жаль, что докторам не удалось почистить тебе мозги как следует.

— Ты полагаешь?

— Это очевидно: глупость твоя никуда не делась. Ах, Родион...

В сожаление Борис Георгиевич вложил глубокое разочарование. Он был старше на десять лет и во столько же раз умнее брата, но любил его. По-своему. Но что теперь прикажете делать? Как показать жене это чудовище? Дочка фабриканта в слезы ударится, нажалуетса папеньке. А кто будет виноват? Известно, кто у жен виноват во всем и всегда. Будь ты хоть тайный советник — вина мужа заранее доказана.

Не видя выхода, Борис Георгиевич забыл представить брата чиновникам, которые посматривали на него со смешанными чувствами изумления и робости: неужто шеф пригласил на утренник экспонат из балагана уродцев?

— Мне лучше уйти. Перепугаю твою супругу и племянников. Загляну через годик, на следующее Рождество, когда следов не останется... Искренно рад повидаться, — сказал Ванзаров, сдавив локоть брата.

Борис Георгиевич сказал себе: «Отступить поздно». Оно и к лучшему: Елизавета Федоровна убедится, что дело ей не по зубам. Уж если их матушке не удалось женить младшего, куда ей тягаться.

— Не думай улизнуть, — сказал он, строго обняв брата. — Лиза с детьми хоровод водит, пойдем к ней. Она жаждет видеть тебя по важному делу.

— Сватать надумала? — спросил Ванзаров так просто, будто прочел по лицу.

За братом Борис Георгиевич не признавал проницательности, считая ее фокусом. Не может непутевый братец быть хоть в чем-то лучше его.

— Ну почему сразу сватать, — скрыв досаду, ответил он. — А если и сватать, что в этом плохого? Тебе давно пора. Без жены, сам знаешь, карьеру на службе не сделать. Начальство за этим строго присматривает. Без жены никаких шансов на чины и награды.

— Не желаю делать карьеру. И награды мне не нужны.

— Что за детские глупости! — поморщился Борис Георгиевич, про себя подумав, что больница умалишенных не исправила братца.

— Я счастлив тем, чем занимаюсь.

— Тоже мне счастье: ловить воров и убийц, — старший брат погрозил пальцем. — Извольте слушаться старшего по чину, чиновник Ванзаров.

— Борис, может...

— Ничего не желаю слушать! Займись закусками, глоток шампанского для храбрости, у нас отличное. А я пойду выручать Елизавету Федоровну из детского плена. И, пожалуйста, когда тебя представят юной особе, веди себя как... Как воспитанный человек. А не как полицейский.

Закончив наставления, Борис Георгиевич сбежал, представив чиновникам самим знакомиться с братом. Кто из них самый смелый? Таких не нашлось.

Из гостиной грянул детский хор под звуки домашнего пианино:

Давайте же кружиться
И петь, и танцевать,
Давайте веселиться
И елку обирать!
Как милы нам подарки
От любящей руки,
Как веселы и ярки
На елке огоньки!¹

Господа в темных сюртуках елку обирать не спешили и подарков еще не получили. Они занимались тарелками, чтобы не встретиться взглядом с ужасным незнакомцем. Кто-то повернулся спиной, другие беседовали. Будто неприятного субъекта не было вовсе.

— От вас исходит странная сила.

Ванзаров обернулся.

Прямо и дерзко на него смотрела невысокая барышня, затянута в платье из черных кружев. Черные волосы в крупных завитках падали волнами, не сдержанные прической и заколками. Черные брови на бледном лице казались нарисованными. Глаза, темные и глубокие, манили цыганским обманом.

— Ваше будущее покрыто тьмой, не вижу его.

— Умеете гадать, мадемуазель? — спросил Ванзаров, отвечая прямому немигающему взгляду. Мало кто из женщин способен на такое. Пожалуй, только одна...

— Гадание — это дар. И проклятие.

Она не протянула руки, иначе Ванзаров оказался бы в неловком положении: целовать не хотелось, пожимать нельзя.

— В Древнем мире гадания считали практической наукой, — ответил он.

— Неужели?

— Мантика у греков была общественным развлечением. Ауспиции и дивинации у древних римлян считались государственной службой. Цицерон в своем трактате «О дивинации»

¹ Рождественская песня на стихи Н. Новича.

нации» подверг беспощадной критике гадания по внутренностям животных. Он привел пример, как консул Клавдий получил от священных кур самые лучшие предсказания и был разбит карфагенским флотом. Хотя, если вспомнить Суллу, у которого из-под жертвенника выползала змея... Прошу простить...

Спохватившись, что ударился в лекцию, Ванзаров вспомнил, что не представился.

Над темными зрачками взмахнули пушистые ресницы.

— Зовите меня мадам Ленорман.

— Рад приятному знакомству, мадам. Родственница знаменитой парижской ясновидящей?

— Я ее новое воплощение... Хотите, погадаю вам, Ванзаров? — спросила она слишком дерзко для краткого знакомства.

— Благодарю, откажусь.

— Отчего же?

Ванзаров никому не рассказывал про навыки, которыми владел. Навыки были сильнее гадания и ясновидения. Психологика предсказывала, как поведет себя человек, по особенностям его характера. Молниеносный портрет предсказывал, что ожидать от человека, которого первый раз видишь. А маевтика¹ предсказывала нахождение истины, если уметь задавать простые вопросы и получать простые ответы. Умения Ванзаров тщательно скрывал. Как-то раз поделился с Лебедевым, и теперь великий криминалист глумился над психологией по любому поводу, обзывая лженаукой.

— Я не верю в гадания, мадам Ленорман.

— Не важно, во что верите вы, карты расскажут, что с вами будет.

— Не имею желаний знать будущее.

— Неправда, Ванзаров. Все хотят знать грядущее.

— Но ведь гадать полагается на Святках? Следует подождать до послезавтра.

¹ Наука «рождения истины», изобретенная Сократом.

- У карт свои правила. Или вы боитесь?
- Бояться мне по службе не положено.
- Следуйте за мной, Ванзаров.

Мадам Ленорман отошла к столику в углу гостиной, жестом указав на стул.

Мгновенный портрет говорил, что барышня, называющая себя мадам, примерно двадцати четырех лет, не замужем, энергичная, нервная, волевая, образованна, часто поступает импульсивно, умеет быть скрытной, неплохая актриса, пользуется своей женской привлекательностью, привыкла подчинять мужчин, плохо питается, возможно, имеются проблемы с психикой. Все, что нужно для гадалки.

Ванзаров присел. Стул нового мебельного гарнитура, обитый материей в модный цветочек, жалобно пискнул. Появилась потертая колода. Ленорман рискнула залезть Ванзарову в душу взглядом. Что никому еще не удавалось.

– Вы – король червей, – она положила карту с красным сердечком над королем.

Спорить с барышнями Ванзаров считал занятием бессмысленным.

- Как прикажете, мадам Ленорман.
- Сначала узнаем о том, что было.
- Как вам угодно.

Она выложила ряд из девяти карт и мотнула головой так, что черные колечки зашелестели перезвоном.

– В вашей жизни была большая любовь, которую вы спасли от смерти, но быть с ней вы не можете... Почему? – пальчик уткнулся в короля пик. – Она замужняя женщина.

– Прошу простить, вы ошиблись, – сказал Ванзаров.

– Карты не ошибаются, – она перетасовала колоду. – Теперь о том, что будет. Не боитесь узнать будущее?

– Зачем бояться того, что произойдет или нет? С равной вероятностью.

Первую карту Ленорман положила слева от короля.

— Осьмерка трэф¹, — не поднимая глаз, она добавила: — У вас есть враг.

Ничего удивительного: с каждым годом друзей все меньше, а врагов все больше.

— Для чиновника сыска враги — дело привычное, — ответил он.

— Этот враг опасен и силен.

— Вам известно его имя?

Пропустив вопрос мимо ушек, Ленорман положила следующую карту справа от короля.

— Осьмерка вин²... Вам готовится измена, берегитесь дамы. Ванзаров смолчал.

Ленорман сняла другую карту и положила под короля.

— Что пророчит девятка вин?

Она заглянула ему в глаза.

— Не шутите, Ванзаров. Это карта означает: ожидайте удара и будьте терпеливы.

— Благодарю. Я всегда терпеливо ожидаю удара. Это все о моем будущем?

— Осталась последняя карта...

Ленорман положила над королем карту рубашкой вверх, помедлила и перевернула.

— Туз трэф. Что мне ожидать?

— Ваша участь решена, вам ничто не поможет, — ответила она и откинулась на спинку стула, свесив руки. — Никогда не видела такого плохого расклада. Ванзаров, вам грозит большая беда.

— Древние греки спрашивали Дельфийского оракула по любому поводу. Но были раздавлены Римом. Римляне изучали желудки кур, но пали от нашествия варваров. Чего же бояться нам, живущим в эпоху победы науки и прогресса?

— Поверьте картам.

Ванзаров хотел объяснить, что верить картам — все равно что верить гаданиям на кофейной гуще. Но тут появил-

¹ Восемь крести.

² Восемь пик.

ся Борис Георгиевич и так рьяно начал махать, что нельзя было слушаться. Ванзаров извинился и пошел на зов брата.

Дальнейшее трудно описать. Ванзаров жарился в аду: дети с горящими глазами разворачивали подарки и вопили, елка горела огнями, Елизавета Федоровна пылала задором, а хорошенькая особа, которую ему представили, зажгла щечки румянцем. И сделала книксен, показав глубокий вырез платья с пышными достоинствами, которые еле удерживал лиф. Муки Ванзаров вытерпел как истинный римлянин: кланялся и улыбался. Улыбался и кланялся. Ну и так далее...

Провожая брата в прихожей, Борис Георгиевич сообщил страшную новость: Ванзаров понравился. Чрезвычайно и окончательно. Самое странное — Елизавета Федоровна от него тоже в восторге.

— Не знаю, что они в тебе нашли, — с долей ревности заметил он.

— Женщины не могут устоять перед шрамами, — ответил Ванзаров, натягивая каракулевую шапку фасона «Рафаэль»¹. — Попробуй как-нибудь на дипломатических переговорах. Может, заберешь для нас Босфор и Дарданеллы.

Борис Георгиевич скривился.

— Не воображай о себе слишком много, Родион. Праздничная кутерьма затуманила Лизе мозги, она не разглядела тебя хорошенько.

— Ты усомнился в умственных способностях жены?

— Родион! Что ты себе позволяешь?

— Прости, Борис. А кто эта гадалка?

— Какая гадалка? Ты перепутал: у нас фокусник.

— Барышня, которая называет себя мадам Ленорман. Откуда она у вас в доме?

Дипломат легкомысленно пожал плечами.

— Может, Лизина подруга или жена кого-то из чиновников.

¹ Модель мужской зимней шапки с круглым верхом и широким загнутым бортом формы скошенной трапеции.

— Нет, она не знакомая твоей жены.

— Почему так уверен?

— Гадалка, приглашенная твоей женой, нагадала бы мне скорую свадьбу.

— Да, на такую хитрость Лиза способна, — не подумав, брякнул Борис Георгиевич, но быстро нашелся: — А что она тебе нагадала?

— Пустяки, что же еще. Отчего Ленорман сбежала, пока меня пытали под елкой?

— Не имею понятия... Неужели сбежала?

— Трудно предположить, что она пряталась в спальне твоей жены, когда гости разбирали подарки.

Борису Георгиевичу не хотелось решать глупейший вопрос: кого и зачем пригласила жена. Он нашел выход:

— Дамы тебя не должны интересовать. Ты приглашен сегодня на семейный ужин.

— Борис, я не уверен...

— Отказы не принимаются, — отрезал старший брат, представляя, что придется ему пережить, если Елизавета Федоровна не найдет за столом жертву, намеченную в женихи. — Сам понимаешь, нельзя разрушать мечты юной барышни. Особенно с таким приданым. Дашь слово?

Умолчав обещание, Ванзаров обнял брата, будто прощаясь навсегда.

Он вышел на Таврическую.

Мороз стоял пеленой, словно скрывал будущее. Как предвещание оракула, туманное, лживое, обманчивое. Ванзаров глубоко вдохнул чистый обжигающий воздух. Он нарочно не обернулся и не взглянул на соседний дом, который виднелся лепным фасадом. С этим домом было связано слишком многое. Ни к чему ворошить сгоревшие угли...

Ванзаров поднял глаза на сверкающие окна квартиры брата, в которой продолжалось веселье. Следовало проявить настойчивость и поискать гадалку. Разузнать, кто она такая, кто и зачем ее пригласил. Конечно, предсказание карт могло быть совпадением. Случайностью. Догадкой.

Или шалостью. Странно другое: откуда карты узнали то, что Ванзаров скрывал последние восемь недель? Откуда эдакая прозорливость?

Раздумав возвращаться, он направился к Суворовскому проспекту, где был шанс найти извозчика. Чиновник сыска уже неприлично опаздывал на службу.

• 9 •

Под Рождество есть дельце куда выгодней, чем торговля дровами. Ради него Спиридонов набил пять возов елками, купил патент на торговлю и встал на Сенатской площади. Товар выставил в лучшем виде: каждое деревце воткнул в снежный холмик, ветки нижние подрубил, примятые расправил, верхушки выпрямил — стоят, красавицы. Глаз радуется. Сейчас деньги рекой потекут. Спиридонов уже кошель приготовил.

Встал он на Сенатской неделе назад. А нынче бранил себя последними словами. И даже предпоследними. Торговать осталось сегодня и завтра — товар не распродан вполовину. После-завтра елки можно будет выбросить. На распили и то не годятся. Сплошной убыток. Как назло, мороз такой ударил, что дрова берут по любой цене. А елки проклятущие никому не нужны.

Польстившись на барыши, Спиридонов обнаружил, что торговать елками в Петербурге — дело гиблое. Во-первых, ушлые чухонцы наладили промысел: длинную жердь красят в зеленый цвет, просверливают дырки, вставляют еловые ветки так, чтобы фальшивка выглядела как на картинке, и продают за копейки. Пусть иголки осыплются на другой день, искусственная елка краше настоящей. И дешевле. Это полбеда. Оказалось, что самый богатый покупатель заказывает елки из своего поместья. С тратами не считаются, привозят хоть из-под Твери. Над елками Спиридонова потешаются: дескать, ну и чучела, не чета нашей, из родного леса. Пальцем тычут, веселятся.

Да и это стерпеть можно. Так ведь кто знал, что елки в столице покупают дамы. Хуже этой беды не придумать. Сущее на-

казание. Столичная барыня такая привередливая. Все ей не так: эта не пушиста, у этой ветки кривые, у этой бок лысоват. Выразит недовольство и уйдет, нос задрав. Вчера одна такая кривлялась: одежда поношенная, ботиночки дырявые, а гонору — хоть отбавляй. Топор чесался проучить.

Ладно бы вредные покупательницы. Так ведь нет их! Рождественские ряды пустые, стоит торговля, торговцы стонут, и Спиридонов с ними. Стони не стони, все одно — сплошной убыток.

Топчась у елок, Спиридонов заметил господина, который брел мимо ларьков, глядя под ноги. С виду — покупатель не слишком выгодный, но хоть какой. Спиридонов решил на крайние меры. Когда господин оказался поблизости, он заступил дорогу и радушно вскинул топорик.

— Вот елочка, пушистая, душистая, только вчера в лесу стояла, в дом просится, извольте, господин хороший, лучше товара не найдете! До пролетки донесу, ради праздника — извозчик за мой счет! Извольте выбирать!

Плечи господина были согнуты, пальто расстегнуто, шарф висел веревкой, а котелок еле держался на голове. Он глянул на торговца. Спиридонов понял, что старания пропали зря: бедолага витал в облаках, не понимая, где находится и кто перед ним.

— Что вы сказали? — тихо спросил он.

Спиридонов не сдавался.

— Елочку для дома приглядите. У меня наилучшие. Возьму самую малость, по-божески. Детишек порадуете, жену...

— Жену? Ах да... Жену... Вы правы, жену...

Искра надежды не потухла: не важно, что господин странный. У них тут в столице много таких бродит. Главное — продать.

— Позвольте узнать, как величать вас, господин хороший? Мужчина нахмурился, будто не понимая.

— Что-что? Ах, это... Николай Петрович...

— Очень приятно! — Спиридонов указал топориком на ближнюю елку. — Извольте вот эту красавицу... Украсит дом, гостей порадуете.

Странный господин не изволил головы повернуть.

— Гостей? — спросил он, кивнул, будто согласился. — Вот именно: гости... Гость важный...

Сказал и пошел прочь.

С досады Спиридонов чуть топориком не запустил.

— Ах ты ж пропасть, — проговорил и добавил то, что русский мужик вырывает из обиженного сердца. Искренно и смачно. Слова улетели морозным дымком.

Раздался звук, будто чем-то твердым ударили о деревяшку, затем шорох ветвей. Обернувшись, Спиридонов обнаружил, что крупная елка наклонилась. Не ветер ее покосил. В подножие ствола, торчащего из снега, упирался лбом человек. Лежа на животе, раскинул руки. Как птица, которая сослепу шмякнулась в дерево. Человек лежал тихо, не шевелясь, причем без пальто и шляпы, в мятом клетчатом костюме. Откуда он взялся и как умудрился налететь лбом на корневище, Спиридонов представить не смог. Упитья с утра пораньше так, чтобы на карачках проползти по Сенатской площади, мимо памятника Петру Великому, здания Сената и Синода, чтобы уткнулся в елку... Невозможно. Городовые на каждом углу...

— Мать честная, — пробормотал Спиридонов, изумленный до корней души. Чего только в столице не случается, расскажет в деревне — не поверят.

Заткнув топорик за кушак, он потыкал валенком в плечо.

— Эй, любезный, вставай.

Человек не шелохнулся. Лежал, упираясь лбом в елку. Лицо уткнулось в снег. Спиридонов сообразил: дело неладно. Нехорошее дело, совсем нехорошее. Оставив товар, побежал к городовому, который топтался на углу площади и Дворцовой набережной. Городовой оказался знакомым: Масленов получил елочку в знак уважения. Без лишних уговоров согласился разобраться.

Нагнувшись над господином, городской строго потребовал назвать себя. Тело осталось безучастно. Тогда Масленов перевернул тело на спину. Голубые глаза человека смотрели спокойно и неподвижно.

— Вот, значит, как, — сообщил городской и грозно хмыкнул.

— И как же? — спросил Спиридонов, ощущая нехорошее шевеление там, где оно шевелится перед бедой.

— А то и значит: мертвый.

— Как мертвый? — еще не веря, переспросил торговец.

— Ты мне ваньку не валяй. Признавайся: за что господина обухом по затылку тюкнул? Куда пальто дел? Думал провести меня? Не вышло... Попался, убивец...

Спиридонов сглотнул ледяной ком в горле.

— Да что же такое говорите, Никита Парфенович... Да разве можно... Да ведь люди кругом... Все подтвердят... Не знаю, откуда взялся он на мою голову... Елку сам башкой своротил... Как приметил его, сразу за вами побежал. Не виновен ни в чем. Вот вам крест.

Сорвав шапку, Спиридонов истово перекрестился.

Глянув со всей суровой строгостью, городской умерил гнев.

— Ладно, в участке пристав разберется... Бери его пока...

— Как брат? — растерялся Спиридонов.

— За ноги. Подсобишь до пролетки донести...

Городской поднял тело за подмышки. Стараясь не смотреть на покойника, Спиридонов подхватил под коленки. Так и понесли. Тело было тяжелым, как бревно. Торговцы наблюдали за приключением издали. Осиротевшие елки держались вместе. Только одна торчала наискось, как знак перечеркнутой надежды.

• 10 •

Полицейская служба научила господина Шереметьевского подмечать невидимые знаки. Занимая должность начальника столичного сыска, он внимательно следил, куда укажет настроение начальства. Для этого завел множество знакомств, и самым полезным из них был секретарь дирек-

тора Департамента полиции чиновник Войтов. Именно он сообщал мелкие факты, из которых Шереметьевский делал большие выводы.

Скажем, вчера за праздничным угощением Войтов незначай сообщил, что директор Зволянский приказал на завтра, то есть уже сегодня, пригласить чиновника Ванзарова для личной аудиенции. Причина держится в секрете. Во всяком случае, секретарю она не известна. Шереметьевский свел на шутку: дескать, его мало беспокоит, что подчиненного вызывают к начальству через его голову. Милые пустяки. Притихшие опасения вспыхнули с новой силой.

Надо сказать, что чиновник Ванзаров был для начальника сыска хуже занозы: он был мучением и загадкой. Мучался Шереметьевский потому, что не мог обходиться без Ванзарова, при этом страстно желал от него избавиться. Он сознавал, что если кто и может в сыске распутать сложное дело, то не любезные чиновники, а только Ванзаров. Остаться без непокорного, строптивного, непочтительного, дерзкого и наглого субъекта, который держит в беспорядке бумажные дела, Шереметьевский не мог. Как не может охотник прогнать старую легавую, которая одна берет волка. Ванзаров был козырем в рукаве начальника сыска.

Больше ванзаровского гонора Шереметьевского смущала загадка, разгадать которую даже чиновник Войтов не помог. Дело в том, что Ванзаров несколько раз оказывал услуги высокопоставленным лицам. Причем кому именно и что за дела вел, Леониду Алексеевичу разузнать не удалось, а подчиненный отделялся пустыми отговорками.

Казалось бы, за успехи и усердие должны посыпаться награды, чины и повышение, не исключая места начальника сыска. Ничего подобного не случилось. Ванзаров оставался при мелком чине, орден на лацкан ему не упал, и вообще Шереметьевский не замечал мельчайшего намека, что подчиненного готовят на его место. Хотя был уверен: его подчиненный оказал нерядовую услугу, за которую полагается щедрое покровительство.

Взять хотя бы таинственные события в конце октября – начале ноября. Ванзарова лично вызвал директор Зволянский: по слухам, в деле было замешано высшее лицо из Министерства внутренних дел, судебный следователь по особо важным делам Бурцов, какое-то отношение имело Охранное отделение. Но что именно происходило? Покрыто тьмой неизвестности. При этом Шереметьевский был уверен, что Ванзаров распутал дело важнейшее. Полагается почет и слава.

Так ведь ничего подобного. Прошло почти два месяца. Ничего не изменилось. Никакой милости от начальства. Ванзаров по-прежнему ходил рядовым чиновником, раздражал Шереметьевского, ленился писать бумаги. Только одна странность появилась: он явно был занят чем-то кроме рутинных дел. Неужто строго секретное поручение? Или тайные полномочия?

Мучился Шереметьевский и не находил ответа. И вот опять знак: новый вызов к Зволянскому. Хорошенько прикинув, начальник сыска счел разумным сменить тактику: приблизить Ванзарова. Изобразить дружеское участие. Чтобы аккуратно выведать, что он скрывает. Леонид Алексеевич был уверен, что секрет стоит того, чтобы проявить дружелюбие к наглецу, которого терпеть не мог. Так или иначе, польза будет. От Ванзарова всегда польза. Взять хотя бы, какой эффект произвело его появление в кровавых шрамах и с обстриженной головой.

Дело было 2 или 3 ноября. В приемном отделении сыска томились пойманные воры-рецидивисты: Ванька Сынок, Мишка Шука, Васька Бегемот, Клавдюшка Генеральша, Сашка Архирейка, Колька Розга. Воры вели себя нагло, сознаваться не желали, задевали чиновников, ведущих допрос. И тут в приемное входит Ванзаров – красивый, как разбойник с большой дороги.

Воры присмирели, а Клавдюшка Генеральша пожелала сделать чистосердечное признание. За ней начала каяться остальная шайка. За полчаса все было кончено. Дела отпра-

вились в Окружной суд, а воры в арестантский дом на Конной площади. Пока шрамы не зажили, а волосы не отросли, чиновники просили Ванзарова заглядывать, когда допрашивали особо упрямых личностей. Он приходил, смотрел молча, после чего признания текли рекой. Счастье продлилось недолго. Недели через три Ванзаровым уже не удавалось напугать. Но и то сколько дел закрыли.

Сидя в кабинете, Шереметьевский услышал, что чиновники здороваются с Ванзаровым. И поспешил лично приветствовать нового друга.

Ванзаров опять копался в донесениях полицейских участков. Что ему понадобилось в заурядных происшествиях? Не мог Шереметьевский разгадать. Он подошел к столу, на который ложились депеши от приставов, по-отечески похлопал Ванзарова и выжал улыбку.

— Похвальное усердие, друг мой. Нашли что-то важное?

Ванзаров держал листок с грифом 2-го участка Александро-Невской части.

— Пристав Спринчан сообщает, что на откосе Обводного канала в снегу обнаружено тело женщины без видимых повреждений. Доставлено в морг Обуховской больницы.

Леонид Алексеевич искренно не понял, что тут может интересовать: пристав помощь не запрашивает, дела никакого нет — наверняка пьяная упала, уснула и замерзла насмерть. Столько таких несчастных по весне находят.

— Чем-то поможет вашему делу?

Ванзаров отложил листок в стопку.

— Какому делу, ваше высокоблагородие?

«Ах ты ж, зараза», — более на себя рассердился Шереметьевский. Нельзя с этим субъектом напрямую. Слишком умен. И вид еще разбойничий.

— Ну зачем так официально, друг мой. Простите мое любопытство, исключительно по-дружески: вот уже которую неделю сводки изучаете.

Глаза Ванзарова были чисты, как у шулера. Исключительный наглец.

— Удовлетворяю научный интерес, господин коллежский советник.

Шереметьевский справился с улыбкой.

— В чем же ваш интерес?

— Хочу найти закономерность, научиться делать прогноз о том, когда и сколько будет совершено преступлений. Чтобы постараться предотвратить хотя бы отдельные.

Леонид Алексеевич был умен достаточно, чтобы видеть: над ним потешаются. Буквально смеются в лицо. Ну какие прогнозы и предотвращения? Они же сыск, а не волшебники. Нет, темнит, наглец, что-то серьезное утаил. Никак не подобрать. Чем бы его зацепить?

Начальнику сыска пришла в голову мысль настолько простая, что почти гениальная: выведать за праздничным столом. У пьяного язык развязан.

— Поддерживаю ваши научные изыскания, — сказал он. — Получите результат, ознакомлюсь с большим интересом. Но уже после праздников. А нынче такие чудесные дни предстоят, о науке думать грех. Вот что, друг мой, позвольте пригласить вас к нам на елку... Нет, нет, отказа не приму! Супруга моя будет рада видеть вас, наслышана о ваших подвигах. Да и дочери тоже... У нас просто, по-домашнему, но весело. Жду вас в первый день Святка, 25 декабря, к вечеру. Ваше слово?

Выбора не осталось. Ванзаров вынужден был обещать. И даже пожать протянутую руку. Шереметьевский не отстал, завел разговор о том, какая в этом году выплачена щедрая надбавка к жалованью, «на гуся», и как чиновники благодарны директору Департамента Зволянскому за заботу, и так далее...

Ванзаров терпеливо слушал. И тут в помещение сыска заглянул чиновник 3-го участка Казанской части, который располагался на первом этаже полицейского дома. В участке был установлен телефонный аппарат, а в сыске нет. Приставы частенько телефонировали в Казанский, чтобы передать сведения в сыск.

— Пристав 2-го Спасского просит прибыть в Апраксин рынок, — доложил он.

— Что там еще? — выразил недовольство Шереметьевский: бесцеремонно прерывают важный разговор. Не просто важный, а расчетливый.

— Вроде купца в лавке повесили.

Леонид Алексеевич не успел придумать, кого из чиновников отправить: нужно самого ушлого, чтобы сумел спихнуть дело. Зачем под праздники разбираться с трупом? Пусть пристав пыхтит.

— Ваше высокоблагородие, разрешите мне заняться.

Не просит, а будто приказывает. Надо стерпеть, до поры до времени.

— Ну зачем вам, друг мой, утруждать себя? Дело наверняка пустяковое, опять пристав ленится самостоятельно расследовать.

Ванзаров уже шел к вешалке.

— Много времени не отнимет. Гляну, что там произошло.

— Вы уж постарайтесь, — начал Шереметьевский и прикусил язык. Чуть не приказал скинуть дело на участок. Исполнительный чиновник сумеет, а этот наглец назло в сыск заберет. А может, просто сбежал от душевного разговора? Или ищет чего-то? Кто его разберет.

Вот ведь болячка проклятухая.

• 11 •

Доктор Миллер ненавидел шумные праздники. Столица веселилась, а Обуховская больница пожинала плоды. Перепившие, переевшие, сломавшие ноги и руки, разбившие голову и выпившие по ошибке кислоту, выпавшие из саней, замерзшие в снегу, попавшие под конку и прочие увечья и напасти, какие и выдумать нельзя, сыпались как из рога изобилия в приемный покой. Каждый день Святки доставлял в больницу раз в пять, а то и в семь больше па-

циентов. Другой праздник, какого доктор Миллер ожидал с трепетом, — Масленичная неделя. До нее далеко. Святки бы пережить.

Проверив запасы самого необходимого: бинтов, ваты, морфия, йода, брома и рвотного, Август Адамович собрался в тишине и спокойствии выпить чаю. Дверь приемного кабинета распахнулась. На пороге торчал санитар в халате, не отличавшемся чистотой. Здоровенный мужик пучил глаза и малость подрагивал. В больнице всегда так: как нарочно, объявляется дело, которое не может ждать.

— Чего тебе, Ергушин? — раздраженно спросил Миллер.

— Там... Там... — пробормотал санитар, икнул и махнул рукой позади себя.

— Выражайся ясно или отправляйся вон, — привычно сказал доктор.

Запинаясь и путаясь, Ергушин понес такую чушь, что Августа Адамовича охватила тоска: ну вот, пожалуйста, уже начинается. Санитар наверняка хватил спирта. А ведь толковый, сколько лет в больнице служит.

— Хочешь сказать, из мертвецкой покойник вышел?

Ергушин яростно мотнул головой.

— Постучал оттудова. Сам открыть не мог, значит, то есть. У нас дверь на запоре.

— А Печенкин где был? — спросил Миллер, надеясь, что второй санитар трезвый.

— Тут и был... Лежал на полу.

— Пьяный?

— Как можно, Август Дамыч... В обморок Петя впал. Как из мертвецкой постучали, он и брякнулся.

Будучи образованным человеком, Миллер знал, что мертвые не могут выходить из морга, вставать из могил и так далее. Это наука запрещает. А если такое случилось, значит, опять разгильдяйство или глупость: недоглядели, засунули в мертвецкую живого, потерявшего чувства. Или другое объяснение: протрезвел на холоде и очухался.

— Кто же это явился с того света?

— Да свежий, его час назад городской с Сенатской доставил, доложил, что убили обухом по затылку... Мы его уложили на полку под неизвестной дамой, что вчера с Обводного доставили.

— Она-то хоть не ожила?

— Никак нет, Август Дамыч... А этот, свежий, вот чего...

Доктор Миллер любил порядок и дисциплину, не мог привыкнуть к российской расхлябанности. Ну что это за безобразие: записали в покойники, положили в морг, лежи себе тихонько, радуйся. Так ведь нет, надо санитаря до обморока довести. Что за народ... Не понимают, что никакого чуда: человек перебрал и пришел в себя. Верят во всякий вздор.

Август Адамович мог призвать Ергушина к порядку, но ему захотелось взглянуть на ожившего. Прихватив пузырек с нашатырем для пострадавшего Печенкина, он накинул пальто и пошел за санитаром. До мертвецкой идти через двор.

Войдя в одноэтажный домик, где дожидались вечного упокоения те, кому медицина приказала, доктор Миллер не обнаружил в предбаннике санитаря. Зато на лавке перед открытой дверью мертвецкой сидел мужчина средних лет в сильно помятом костюме. Опытным глазом доктор определил добротную материю, хоть и вызывающей расцветки в желто-красную клетку. Шевелюра бывшего трупа находилась в сильном беспорядке. Он потирал лоб, на котором виднелась приличная шишка.

— Вот каков, извольте видеть, — пробормотал санитар за спиной Миллера.

— Помолчите, Ергушин, — раздраженно сказал доктор и обратился к ожившему: — Что с вами случилось?

— Неудачно перешел, — ответил тот, массируя шишку. — Вечно не везет.

— Неудачно перешли улицу? Пролетка сбита? — уточнил Миллер, любивший точность в деталях. — Как же вы на Сенатской оказались? Городовой сообщил, что вас обухом по затылку ударили. Объяснитесь...

Господин в клетчатом сложил руки на коленях. И удостоил доктора взглядом.

— Где я нахожусь? — спросил он требовательно.

— А сами как полагаете?

— В больнице?

— Вас положили в мертвецкую. Осмотреть не успели, а тут вы изволили постучать с той стороны. Покойники у нас тихие, так себя не ведут. Напугали санитаров. До смерти. Не так, ли Ергушин?

Санитар издал многозначительный стон.

— Все же попрошу объяснений, — продолжил Миллер.

— Зачем вам?

Субъект не только живой, но и строптивый. Август Адамович не терпел такое поведение пациентов. Послушание и покорность лечению. И только.

— Хоть для того, чтобы сообщить в полицию. Городовой вашего убийцу в участок потащил. Жаль человека, в Сибирь отправят ни за что.

Господин провел пятерней по волосам, впрочем напрасно, и кивнул.

— Скажу, но вы не поверите. Как обычно.

— Внимаю с нетерпением.

— Я путник.

Доктор ожидал продолжения, разъяснения и тому подобного.

— Куда путь держите? — прервал он молчание.

— Куда или откуда — не имеет смысла, — последовал ответ, сказанный тоном надменного превосходства.

— Ну так поясните нам, милейший, — стараясь не раздражаться, сказал Миллер.

И тут пациент изложил занятную историю. Август Адамович не спорил, не возражал, а делал вид, что слушает внимательно. Присел на лавочку поближе к больному, чтобы приняться. Так и есть: ни намек на перегар. Диагноз однозначный. Праздник ни при чем. Это — болезнь.

— Вот в чем состоит дело, — закончил странный господин. — Вы не поверили.

— Отчего же, голубчик, вы убедительны, — сказал Миллер, вставая с лавки.

— Правда поверили?

— Истинная правда, — доктор запахнул пальто. — Обождите тут, пойду посоветуюсь, как вам помочь. Не замерзли? Одежда принести? А то вы без пальто.

— Я не боюсь холода.

— Ну и славно, — Миллер улыбнулся, хоть и не любил этого. — Ждите.

Выйдя во двор и затворив дверь, он дал указание санитару: взять в подмогу Печенкина и отвезти несчастного куда следует.

— Больных сифилисом и сошедших с ума не принимаем. Так ведь, Ергушин?

Санитар согласился: на этот счет в Обуховской правила строгие.

— Значит, везите на Пряжку. Там путнику самое место.

• 12 •

Искать счастливое место Пяткин зарекся. Не до того ему было. С вечера напал на извозчика неведомый страх. Кажется бы, страх — привилегия барышень и нервных субъектов, которые от безделья не знают, чем себя развлечь. Трудовому мужику страх незнаком. Да вот только Пяткин с ним близко познакомился.

Как умчался с Обводного, как выехал на Невский проспект и дал лошаденке передышку, заметил на углу городского. Тут и показалось, что городской вроде спросить хочет: «А не ты ли, Пяткин, убивец?» Извозчик глаза отвел, нос в воротник засунул, проехал мимо. У следующего городского страх чуть не задушил. И душил при виде каждой черной шинели. Замучил вконец. Извозчик чуть живым в конюшню вернулся. Зарылся в сено и остался ночевать.

Утром проснулся, водицы ледяной испил, лошади овса насыпал, вроде отпустило. Стал он сам с собой беседу вести. Рас-

судил городских не замечать, будто нет их. Стоит себе черный столбик, ну и пусть. Ему какое дело.

Выехал Пяткин в город, собрав всю храбрость в варежку. Городовых издали примечал, старательно взгляд отводил. И понемногу обвыкся. Двух пассажиров отвез. Третий попался на набережной Фонтанки. Вышел из казенного здания статный господин в распахнутом пальто, приказал на угол Офицерской и Львиного переулка. Согласился на полтинник¹, не торгуясь. Пяткин осмелел, спину распрямил. Выехал на Садовую улицу и вдруг чует: воню лютой несет. Даже лошаденка головой вертит. Оглянулся, а господин развалился на диванчике и покуривает сигарку мелкого вида, но такую ядреную, что народ шарахается. А ему хоть бы что. Экий занятный господин.

На Офицерскую улицу Пяткин въехал в бодрости. Лошадке прикрикнул, чтобы веселее шла. Но как подъехал, куда было заказано, чуть не обмер от страха. Оказалось, что господин привез к полицейскому дому Казанской части. Вот и конец: сейчас руки скрутят и поведут в тюрьму. Ожидая неминуемого, Пяткин сжался воробушкой. Господин приказал обождать, спрыгнул на снег, отчего пролетку шатнуло лодкой на волнах, при этом издал радостный вздох человека, владеющего здоровым телом.

Сдвинув шапку на глаза, Пяткин услышал, как хлопнула входная дверь, а затем радостный крик его пассажира:

— Ага, попался, жулик!

Извозчик накрепко зажмурился. Все, конец...

— Аполлон Григорьевич? Как тут оказались? — услышал он, не разжимая глаз.

— Да вот решил навестить друга, который прячется два месяца...

— Совсем не прячусь.

— Ну конечно! Жульничать не выйдет... Все, беру вас под арест.

— Я не могу.

¹ 50 копеек.

— Знать не желаю, друг мой! Едем к Палкину¹, у меня пролетка ждет.

— Зачем?

— О боги естественных наук! Что за человек? Угощу поздним завтраком.

— Благодарю, не голоден.

— Двадцать третье декабря, праздник почти наступил. Пора веселиться. Прокутим наши премиальные. На «гуся» получили? Спустим подчистую. Поехали!

— В другой раз.

— Обидеть хотите? Столько не виделись, и вот так встречаете?

— Давайте не сейчас...

— Чем же так заняты?

— Вызвали в Апраксин рынок, там происшествие.

Пяткин услышал тираду, от которой и лошадь покраснеет. Но страх поубавился: вроде его арестовать не спешат. Может, опять пронесет... Приоткрыв глаза, он оглянулся. Рядом с пассажиром стоял коренастый господин в каракулевой шапке «Рафаэль». Незнакомец глянул так, что извозчик вжал голову в плечи.

Высказав все, что думает про неугомонных чиновников сыска, Лебедев предложил довести до Апраксина. Дождется, пока Ванзаров закончит свои делишки, и все равно отвезет к Палкину. Свои решения великий криминалист не менял.

Указав Ванзарову залезать первым, Аполлон Григорьевич запрыгнул и втиснулся на диванчик пролетки. Было тесно. Теснота не мешала. Уточнив, куда именно в Апраксин, Лебедев приказал подъехать со стороны Фонтанки. Пяткин обрадовался, что не оказался за решеткой, и забыл торговаться. Так и поехали.

Аполлон Григорьевич легонько ткнул локтем в бок. У обычного человека уже бы перехватило дыхание, Ванзаров не шелохнулся.

— Ну и что это означает?

— О чем вы?

¹ Знаменитый ресторан на Невском проспекте.

— Не стройте из себя дурака, оставьте эту привилегию нашему начальству.

Настроение Лебедева было игривым. Проверять его на прочность не следовало. Даже лучшему другу. Ванзаров придвинулся к уху великого криминалиста и спросил шепотом:

— Чем напугали извозчика?

Лебедев пыхнул сигаркой, облачко дыма отнесло на кухарку, которая выронила корзинку и зажала ладошкой нос.

— Чтоб я обидел трудовой народ? Он двойной тариф содрал, я виду не подал.

— Наверно, показалось, — согласился Ванзаров. И принялся рассматривать замерзшую реку Мойку, которую проезжали.

Аполлон Григорьевич издал предупреждающее хмыканье.

— Не увиливайте, друг мой. Не отстану.

— Я знаю.

— Тогда не измеряйте глубину моего бездонного терпения, — Лебедев довольно ухмыльнулся. — Чем занимались все эти дни, пока заживали живописные шрамы?

— Октябрьские истории напоминать не надо?

Последовал утвердительный кивок: такое не забывается.

— Под конец тех событий мне было обещано, что произойдут ужасные происшествия, которые нельзя остановить, — продолжил он. — Были обещаны мне лично. При последней встрече с известным вам отчаянным господином.

— Тот самый ссыльный тип?

— Дал мне слово за несколько мгновений до своего конца. Слово было пропитано ненавистью, какую скопил за долгие годы.

Лебедев согласно кивнул.

— Такой человек слов на ветер не бросает, — сказал он, выпустив облачко сигарного дыма. — Обещание серьезное.

— Я пытался понять, где может быть нанесен удар. Ждал и готовился.

— Рассчитывали, что некие личности под его гипнозом будут убивать, не понимая, что делают? Как сомнамбулы?

— Наиболее логичный вывод, — ответил Ванзаров. — Однако ничего не произошло. Совсем ничего, что могло быть запу-